

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКА ВРАЖДЫ В КАЗАХСТАНЕ:

**Восприятие резонансных
межэтнических
конфликтов в соцсетях.
Возможные решения**

“

”

**ИССЛЕДОВАНИЕ
ЯЗЫКА ВРАЖДЫ
В КАЗАХСТАНЕ:
Восприятие резонансных
межэтнических
конфликтов в соцсетях.
Возможные решения**

УДК 323.1 (574)
ББК 66.3 (5Каз)6
И88

© МЦЖ Medianet, 2021

Редакторы: Адиль Джалилов, Думан Смаков
Авторы: Серик Бейсембаев, Ксения Кряквина,
Дина Кучербаева, Оразай Кыдырбаев, Дамеш Сатова,
Жулдыз Смагулова
Координаторы: Сания Абдигапарова, Снежана Цой
Медиа мониторинг: Жансерик Тилеухан, Станислав Ханин
Перевод: Сания Абдигапарова, Жулдыз Абдилда
Корректоры: Есей Женисулы, Оксана Куш
Дизайн: Искендир Кабдулин

ISBN 978-601-06-8168-2

Исследование языка вражды в Казахстане: Восприятие резонансных межэтнических конфликтов в соцсетях. Возможные решения / Редакторы: А. Джалилов, Д. Смаков. – Алматы: МЦЖ MediaNet, 2021. 100 с. – каз., рус.

Данное издание представляет материалы мониторинга и экспертного анализа использования языка вражды в публикациях 18 лидеров мнений казахстанского сегмента социальной сети Facebook, 9 популярных пабликов в Instagram, а также 9 онлайн-изданий с наибольшим количеством читателей в период с февраля 2020 г. по сентябрь 2021 г. Исследование включает анализ языка вражды по двум событиям: беспорядки в Кордайском районе, «языковые рейды».

Дисклеймер: приводимые в тексте исследования цитаты с признаками ненавистнических высказываний не преследуют противоправного умысла, приводятся исключительно в академических целях и используются для профилактики экстремизма в рамках правовых, организационных, воспитательных, пропагандистских и иных мер, направленных на предупреждение экстремизма и предусмотренных законом РК «О противодействии экстремизму», с целью выявления и последующего устранения причин и условий, способствующих осуществлению противоправных деяний.

Издание подготовлено и выпущено при финансовой поддержке Фонда имени Конрада Аденауэра. Содержание данной публикации отражает точку зрения авторов и не обязательно совпадает с точкой зрения Фонда имени Конрада Аденауэра и Международного центра журналистики MediaNet.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
От защиты «своих» к оправданию насилия. Анализ языка вражды вокруг кордайских событий в Казахстане Серик Бейсембаев, Дамеш Сатова	9
Роль веры в правительство в оправдании насильственных действий во время событий в Кордайском районе зимой 2020 года Ксения Кряквина	27
Критический анализ дискурса вражды Дина Кучербаева, Жулдыз Смагулова	42
Дискурс «пещерный национализм» как язык вражды: критический дискурс-анализ комментариев в Facebook и Instagram Оразай Кыдырбаев	68
Заключение	85
Методика мониторинга языка вражды в соцсетях и СМИ	93
Список ключевых слов для мониторинга	97
Биографии авторов	98

Введение

«Исследование языка вражды в Казахстане: Восприятие резонансных межэтнических конфликтов в соцсетях. Возможные решения» является второй попыткой изучить механизмы распространения лексики вражды в процессе интернет-коммуникаций.

Мы считаем необходимым исследовать структуру и причины возникновения языка вражды, транслируемого во время межэтнических конфликтов в Казахстане. Для того чтобы противостоять риторике ненависти, необходимо проводить больше подобных исследований, инициировать открытые дискуссии с участием государственных и местных органов власти, стейкхолдеров, медиа, организаций гражданского общества и широкой аудитории.

На наш взгляд, крайне важно объяснять всему обществу, начиная с раннего возраста, что такое язык вражды, где его границы, к чему он может привести, почему его нельзя использовать и какие формулировки могут быть подсудны. В условиях, когда общество не знает этого, сложно требовать от него соблюдения норм. И в этих условиях нормой становятся эта самая риторика ненависти, дискриминационные высказывания, мимикрирующие под патриотизм и другие «благородные» устремления. В итоге этому много примеров в истории, есть риск необратимых, катастрофических последствий.

Тема межэтнических конфликтов является табуированной в казахстанском обществе. Государство предпочитает замалчивать чувствительную тему межнациональных столкновений. Зачастую в публичном поле применяется подмена понятий – конфликты на национальной почве квалифицируются как бытовой спор или хулиганство. При этом игнорируется тот факт, что у многих таких бытовых конфликтов есть предпосылки, событийный контекст. Самое печальное, что у таких конфликтов нет и конкретных итогов, и разъяснений со стороны власти и системы образования.

Например, реакция местных органов власти на межнациональный конфликт в селе Пиджим Алматинской области, произошедший

в октябре текущего года, наглядно продемонстрировала неспособность местных властей адекватно реагировать на подобные конфликты. Недовольство граждан пытались успокоить заявлениями о привилегированном статусе казахов, что, по сути, является неконституционным оправданием и легитимизацией насилия. Подобная коммуникация и низкий уровень доверия к властям приводят к эскалации риторики ненависти и увеличивают риски повторения конфликтов в будущем.

Властям и обществу необходимо признать ошибки после трагических событий, произошедших в Кордайском районе зимой 2020 года. Это первый межэтнический конфликт в стране, связанный с жертвами и наглядно показавший, что данную проблему нужно обсуждать и решать. Только так можно извлечь уроки и не допустить их повторения.

Авторы исследования попытались разобрать истинные причины возникновения речевой агрессии, оправдывающей дискриминацию и насилие в отношении представителей этнических групп. Провели критический анализ дискурса языка вражды, а также дали оценку «языковым рейдам» и дискурсу о «пещерном национализме».

Первое издание «Мониторинг языка вражды в социальных сетях в Казахстане» было опубликовано и презентовано в 2017 году. Тогда в мониторинг вошли публикации 20 лидеров мнений – по 10 на казахском и русском языках. Период мониторинга составил 6 месяцев.

В новом издании было решено сфокусироваться на двух резонансных кейсах – межэтническом конфликте в Кордайском районе зимой 2020 года и «языковых рейдах» летом 2021 года. Во время данных событий наблюдался беспрецедентный всплеск словесного экстремизма и «жесткого» языка вражды в соцсетях.

Также значительно расширился список источников мониторинга языка вражды. В данном исследовании в анализ вошли не только посты 18 влиятельных лидеров мнений на казахском и русском языках, но и комментарии под их постами. Более того, в отчет были включены мониторинг постов 9 популярных Instagram-публиков с комментариями пользователей, а также публикации 9 онлайн-СМИ, освещавших выбранные кейсы на двух языках.

Все данные были собраны путем ручного мониторинга соцсетей и СМИ за период указанных событий.

Данное исследование поднимает важные, но очень чувствительные темы. Многие цитаты комментаторов приведены буквально, так как иначе невозможно объяснить, в чем их опасность. Авторы исследования, замечательные эксперты, постарались интерпретировать очень сложный материал и сделать объективный анализ.

Мы убеждены, что игнорировать проблемы нельзя. Анализируя этот материал, вырабатывая рекомендации и возможные решения, мы все можем способствовать улучшению нашего общества.

Нобелевский лауреат в области литературы Герман Гессе когда-то сказал: «Я считаю себя патриотом, но прежде всего я человек, и, когда одно не совпадает с другим, я всегда встаю на сторону человека... На самой низкой ступени культуры вы найдете самую сильную и ожесточенную национальную рознь. Чем ниже ступень культуры, тем сильнее и ожесточеннее национальная ненависть».

Серик Бейсембаев,
Дамеш Сатова

**От защиты «своих»
к оправданию насилия.
Анализ языка вражды
вокруг кордайских событий
в Казахстане**

Введение

В публичном пространстве Казахстана регулярно поднимается вопрос о причинах межэтнических конфликтов и способах их предупреждения. Официальные источники обычно ссылаются на бытовой конфликт или разборки между криминальными группами¹. Экспертное сообщество часто акцентирует внимание на социально-экономических факторах, а также проблеме неэффективности и коррумпированности органов власти². Широко растиражирована также версия о компактном проживании этнических меньшинств в некоторых регионах страны и, как результат, их недостаточной языковой, культурной и социальной интеграции в казахстанское общество³.

Каждое из этих объяснений порождает соответствующий дискурс о необходимых мерах со стороны государства и гражданского общества. Однако из фокуса этих обсуждений, к сожалению, выпадает один из ключевых факторов межэтнических конфликтов в стране. Речь идет об идеологических основаниях этнически мотивированного насилия. Острые социальные, экономические и политические противоречия, возможно, и повышают риски нетерпимости между людьми по этническому признаку. Однако важнейшей предпосылкой массового насилия является убежденность людей в допустимости и даже оправданности враждебных и насильственных действий в адрес меньшинств⁴.

На фоне погромов в Кордайском районе в феврале 2020 года в онлайн-пространстве страны произошел всплеск враждебной риторики, направленной против представителей одной из этнических общин в стране. Эта риторика на первый взгляд может показаться всего лишь эмоциональной реакцией группы людей на резонансное событие. Однако внимательный взгляд покажет, что за этими сообщениями стоит специфический набор идей, убеждений и мифов, руководствуясь которыми люди оправдывают этнически мотивированное насилие в Казахстане.

Целью данной статьи является анализ языка вражды в контексте кордайских событий, а также описание риторических механизмов, используемых для легитимации насилия в публичном пространстве.

Эмпирической основой исследования является набор сообщений, собранных в результате тематического мониторинга языка

вражды в социальных сетях и онлайн-изданиях. Для мониторинга была сформирована выборка источников, состоящая из постов 20 лидеров мнений в Facebook, 10 популярных страниц в Instagram, а также 10 СМИ на казахском и русском языках. (Подробная методология мониторинга представлена выше в соответствующей главе.)

Авторы статьи провели дополнительный контент-анализ собранных сообщений:

- Во-первых, были отобраны и систематизированы сообщения, которые касались событий в Кордайском районе.
- Во-вторых, была разработана система кодировки для выявления структуры языка вражды и анализа риторических техник, используемых пользователями для оправдания насилия.
- В-третьих, все сообщения были закодированы согласно системе кодировки, а полученные данные были подвергнуты количественному и структурно-семантическому анализу.

Всего в ходе контент-анализа были обработаны 372 сообщения. Из них 343 – это комментарии рядовых пользователей, 13 постов лидеров мнений и 16 цитат из статей в онлайн-изданиях. В языковом плане сообщения разделились следующим образом: 182 сообщения на казахском и 190 на русском.

Статья состоит из нескольких разделов. В первой части рассматривается структура языка вражды от более «мягких» вариантов к более «жестким» его проявлениям. Второй раздел посвящен анализу риторических техник, которые используются комментаторами для оправдания насильственных действий в адрес дунган. В третьей части анализируются различные контексты, в которые погружена враждебная риторика и происходит рационализация насилия.

Главным ограничением данного анализа является использование сообщений из двух социальных сетей без учета нарративов, представленных на других платформах. Соответственно, полученные выводы могут быть распространены на пользователей указанных соцсетей. Кроме того, некоторые смещения возмож-

ны в связи с особенностями выборки сообщений, ограниченных постами определенных лидеров мнений и их аудиторией.

Структура языка вражды

Для анализа структуры языка вражды все сообщения были разделены на три типа:

- Первый тип сообщений – это относительно «мягкий» язык вражды, через который комментаторы выражают свое негативное отношение к представителям этнической группы, часто навешивая оскорбительные ярлыки и подчеркивая их «чуждость» по отношению к «своей» группе.
- Второй, «средний» тип языка вражды, содержит в себе высказывания с призывом дискриминировать этническую группу и отказать им в равенстве социальных, политических и иных прав. Такая лексика часто сопровождается подчеркиванием со стороны комментаторов превосходства «своей» группы.
- Третий, «жесткий» тип языка вражды, связан с поддержкой, или призывами совершить насилие в отношении этнической группы, или попыткой оправдать их совершение в прошлом.

Согласно результатам анализа, 37% всех проанализированных сообщений относятся к первому типу языка вражды. Как видно из диаграммы ниже, он относительно чаще встречается в Facebook, чем в Instagram (39 и 30% соответственно). Также заметно чаще в эту группу попадают сообщения на русском языке, чем на казахском (40 и 33% сообщений).

Сообщения в этой группе воспроизводят широкий спектр мифов и предрассудков в отношении дунган. Например, активно разошелся конспирологический нарратив о том, что дунгане якобы являются *китайскими шпионами*. Основой для таких предположений стало сообщение одного из лидеров мнения о том, что *«Китай начиная с 2012 года начал выделять специальные гранты для дунганской молодежи из Центральной Азии»*.

Огромный блок ксенофобских сообщений написан исходя из представления о дунганах как о пришлом народе, который обязан своим проживанием в стране ее «хозяевам». Часто звучали также обвинения в том, что дунгане не уважают казахов, их культуру, а также не знают государственный язык. Некоторые комментаторы указывали на моральные, нравственные и иные недостатки этнической группы.

Ко второму, «дискриминирующему» типу языка, можно отнести 35% сообщений. В отличие от первого типа поддержка или призыв к дискриминации более характерны для сообщений в Instagram, чем в Facebook (40 и 31% соответственно).

Наиболее популярный призыв среди комментаторов – это насильственная депортация дунганской общины из Казахстана либо расселение в другие регионы. В основе таких сообщений – представления об угрозах компактного проживания общины в приграничном регионе. Надо отметить, что такого рода фобии были подогревы некоторыми лидерами мнений. В частности, широко разошлись тезисы депутата мажилиса и члена правительственной комиссии Бакытбека Смагула, который сравнил компактное проживание дунган с китайскими кварталами в Нью-Йорке и призвал не допустить появления «закрытых» анклавов на территории страны⁵.

Также со стороны рядовых комментаторов звучали призывы лишить дунган доступа к русскоязычному школьному обучению, а также ввести принудительное обучение казахскому языку.

Третья группа сообщений составляет 20% от общего числа комментариев с языком вражды. Обращает внимание, что «жесткий» язык вражды гораздо чаще встречается в Instagram, чем в Facebook (25 и 15% соответственно). В языковом плане данный тип сообщений одинаково представлен в казахском и русском сегментах.

Лейтмотив большинства сообщений в этой группе сводится к попыткам оправдать насилие через обвинение самих жертв в случившемся («Сами виноваты», «Теперь будут знать свое место»). Растиражирован также сюжет о том, что насилие является актом возмездия за избитого аксакала. В этой связи обращают вни-

мание комментарии с явной героизацией участников погромов – «Парни, которые убили осквернивших нацию дунган, являются батырами» («Ұлтты қорлаған дүнгендерді өлтірген жігіттер батыр»).

Диаграмма 1. Структура языка вражды в адрес дунганской общины

Некоторая часть сообщений (8%) не попала ни в один из трех типов языка вражды. В основном это касается враждебной лексики, которая направлена в адрес государственных институтов и представителей власти. Комментаторы здесь обвиняют в случившемся местные власти или полицию либо выражают недоверие относительно справедливого разбирательства происшествия.

Риторические техники легитимации насилия

Исследователи массового насилия и геноцида отмечают, что для риторики вражды в разных странах характерны одни и те же речевые паттерны и техники. Джонатан Лидер Мэйнард называет их «оправдательными механизмами», или речью, которая используется для оправдания насилия против группы людей⁶. Развивая эту теорию, Сьюзан Бенеш и Кэтрин Брюгер в своем практическом руководстве «Опасная речь» выделяют 5 основных элементов опасной/враждебной риторики.

5 основных элементов опасной/враждебной риторики:

1. Дегуманизация (Dehumanization), или обесчеловечивание
2. Зеркальное обвинение (Accusation in a mirror)
3. Сомнение в лояльности членов ин- группы (Questioning in-group loyalty)
4. Угроза целостности и чистоте группы (Threat to Group Integrity or Purity)
5. Заявления о посягательстве на женщин и детей (Assertion of Attack Against Women and Girls)⁷

Используя эту аналитическую рамку, можно описать структуру и содержание риторических приемов, которые присутствовали в публичном дискурсе для оправдания насилия в адрес дунганской общины.

Дегуманизация/обесчеловечивание

Данная риторическая техника направлена на лишение группы людей их человеческих качеств. Она подразумевает не только сравнение группы с животными, природными катаклизмами, сверхъестественными созданиями, болезнями, но и приписывает им такие качества, которые оправдали бы жестокие действия против группы⁸.

В случае кордайских событий представители дунганской общины в социальных сетях активно сравниваются с животными. Сравнение с волком и собакой строится на общеизвестном литературном образе двух животных, чье безродное происхождение делает животных неспособными к переучиванию и способными откусить руку, которая их кормит. Пользователи прибегают к метафорическому превращению дунган из «кроткой группы беженцев, которых по своему незнанию и гостеприимности приютил казахский народ» во внутреннего врага, который *«не выказывает должного уважения и не принимает казахскую культуру»*.

Некоторые призывают «воспитывать» дунган так же, как собак – через физическое насилие. Образ свиньи строится на предположении, что у дунган «безразборчивая» кухня. Образ свиньи часто переплетается со сравнением дунган с китайцами, где встречаются отсылки к поеданию «всего живого» и призывом отправить дунган в Ухань, ссылаясь, видимо, на город как первый очаг коронавируса.

Анализ сообщений показывает, что тема исторических связей между дунганами и современным Китаем сыграла ключевую роль в демонизации этой общины в массовом сознании. Устоявшиеся негативные стереотипы в отношении китайцев были распространены и на представителей дунганской этнической группы. В частности, аргумент о «безразборчивой» кухне дунган служит знаком о культурной схожести дунган и китайцев, которая дальше подтверждается схожестью и языка, и тенденции дунган переселяться (отсылка к chinatowns) с места на место. Также в Сети появились личные истории о том, как работающие на рынках дунгане говорят на непонятном языке и ведут себя неподобающе, тем самым подтверждая свою «чуждость» по отношению к казахам.

Зеркальное обвинение

Согласно Бенеш и Брюгер, данная риторическая техника проявляется в спекуляциях о возможных будущих опасностях, которые определенная группа несет для «своей группы». Тем самым создается образ врага, в отношении которого применение насилия является оправданным⁹.

На фоне сообщений от лидеров мнения о связях дунган с Китаем (обучают там своих детей, говорят на китайском) в лице представителей этой общины был сформирован образ «внутреннего врага». В основном эти сообщения сопровождаются опасениями, что у дунган есть скрытые намерения построить свою автономию, тем самым угрожая целостности территории Казахстана, предать Казахстан или передать Казахстан под управление Китая. Встречаются комментарии о видео, где якобы представители дунган открыто говорят: «Земля ваша, власть наша».

Другой распространенный образ, формирующий представление об опасности группы, – это якобы ее склонность к криминалу. Пользователи активно ссылаются на видео с места событий, где дунгане якобы первыми открыли стрельбу, на их «свирепый»,

«криминальный» вид «преступников». Пользователи делают выводы, что кыргызы «не зря выгнали дунган со своей земли» к казахам. Аргументы также берут корни из спекуляций о преступных махинациях между дунганями и представителями власти. Пользователи призывают казахскую сторону брать пример с «соседей» и также выгнать дунган из Казахстана, «пока дунгане не примкнули к преступной деятельности открыто».

Коллективный криминальный образ дунган подпитывается избиванием полицейских дунганями и активно пользуется риторическим вопросом: «На что еще способны дунгане?» Частично аргумент также строится на предположениях о «покупаемости» местных представителей власти и уполномоченных органов, которые либо участвуют активно в криминальных махинациях дунган, либо закрывают глаза на их незаконную деятельность. Таким образом, недоверие к власти выступает дополнительным аргументом в пользу стихийных действий местного населения против дунган.

Угроза целостности и чистоте группы

Похожая техника – это обвинение противников в том, что они представляют угрозу для целостности и чистоты «своей» группы. В основе такого представления часто находится утопическая идея о достижении неких качеств собственной группой, если противники будут уничтожены или изгнаны. Например, в случае нацистской Германии такой идеей было сохранение чистоты арийской расы, а норвежский убийца Андерс Брейвик, убивший 77 человек в июле 2011 года, объяснял свой поступок тем, что хотел защитить «европейскую цивилизацию» от пагубного влияния мультикультурализма и ислама.

В случае кордайских событий пользователи не пропагандировали открыто идею чистоты нации, однако многие враждебные комментарии исходили из дискурса о превосходстве «титальной» группы перед «диаспорами» и всеми «пришлыми» народами. Пользователи активно ссылаются на исторический факт переселения дунган как на обоснование их положения в качестве гостя на «казахской» земле, при этом игнорируя факт совместного проживания на протяжении около 150 лет.

Такая риторика часто сопровождается страхом перед численным преобладанием этнических меньшинств в некоторых районах страны. Эти разговоры становятся аргументом в пользу насильственного выселения дунган, а также пересмотра государственной политики, создающей условия для многонациональности.

Сомнение в лояльности членов «своей» группы

Исследователи заметили, что риторика вражды часто направляется против членов «своей» группы, которые в глазах хейтеров недостаточно лояльны идее противостояния с объектом вражды либо вовсе находятся на стороне «врагов».

В случае обсуждения кордайских событий довольно часто нападкам подвергались представители казахской группы, которые высказывались в поддержку дунган. К ним были уничижительные обращения как к распространителям псевдоморали или фейк-новостей. Не только пользователи, которые пишут тексты в защиту дунган на русском, подвергаются нападкам, но и русскоговорящие казахи в целом. Чаще эта группа сравнивается с манкуртами и «нақұрыс» (полоумный) – людьми, лишенными способности учиться.

Также язык вражды был направлен против других представителей «титальной» группы – это чиновники и правоохранительные органы, которые допустили конфликт, и представители СМИ, которые, по мнению пользователей, недостоверно освещают новости.

Таким образом, на примере обсуждений кордайских событий в социальных сетях видно, что такая риторика подавляет голоса тех, кто призывает к миру и осуждает насилие в любом виде.

Заявления о посягательстве на женщин и детей

Суть этой риторической техники заключается в обвинениях враждебной группы в совершении преступлений против женщин и детей. Как отмечают исследователи, такая риторика очень часто превосхищает случаи массового насилия. Это связано

с мобилизующей силой предполагаемой угрозы в адрес самых уязвимых групп общества.

Анализ сообщений показывает, что в случае кордайских событий эта риторика реже находила отражение в изучаемом контенте, чем предыдущие. Но при этом видно, что эмоциональный заряд этих сообщений был довольно высоким. Так, неподтвержденная новость об изнасиловании девочки со стороны дунган распространилась среди пользователей и обросла новыми шокирующими подробностями. Комментаторы писали, что дунгане *«издевались над двумя маленькими девочками», «изнасиловали девушку 11-го класса и сожгли ее тело», было «групповое избиение казахского мальчика».*

Сюда же можно отнести сообщения о пострадавшем в конфликте пожилom человеке, который в общественном сознании также представляет уязвимую группу, соответственно, требует защиты любой ценой. Показательным является преувеличение масштаба нанесенного ему ущерба: *«Они толпой разбивают кости 80-летнего аксакала, до полусмерти», «Сломали бедро 80-летнему старику, это уже зверство».* В целом риторика характеризуется призывами защитить символы нации от покушения врагов, которые *«ломают домбру, сжигают флаг, избивают людей...».*

От контента к контексту

При анализе мобилизующего потенциала языка вражды важно учитывать не только его содержание, но и контекст. Социальные, политические и исторические условия, в которых распространяется враждебная риторика, могут в значительной степени предопределить ее эффект на повседневное и политическое поведение людей¹⁰.

Для выявления контекстуальных смыслов сообщений в ходе исследования фиксировались различные темы, которые возникали в содержании языка вражды. Эти темы затрагивают широкий спектр проблем в казахстанском обществе и раскрывают различные контексты, из которых органично вытекает враждебная риторика в адрес этнических меньшинств.

Исторические травмы

Отсылка к истории является очень важным элементом языка вражды в случае событий в Кордайском районе. Основная сюжетная линия сводится к теме переселения народов на территорию современного Казахстана в различные исторические периоды. Главным образом упоминается национальная политика СССР, которая была направлена на создание «советского человека» и размывание казахской идентичности.

По этой логике переселение дунган и уйгуров в период царской России, депортация кавказских и других народов в период Второй мировой войны, а также переселение славянских национальностей для освоения целины рассматриваются как однозначно негативные события, создавшие угрозу исчезновения нации. Такая мировоззренческая рамка становится основой для перманентного восприятия остальных групп как пришельцев, которые находятся на этой территории в статусе «гостей». Соответственно, они «не имеют права проявлять неуважение к казахам, казахскому языку и казахской земле». Для авторов языка вражды триггерными становятся такие понятия, как «национальная лаборатория», «переселение каторжников», «келімсек» (*тот, кто пришел без приглашения*).

Связанный с этим другой исторический нарратив – это вера в абсолютное право казахов на территорию Казахстана, которое не распространяется ни на какие другие этносы (диаспоры). Такие сообщения усиливаются мифом о предках, героически отстоявших казахские территории ценой своей крови. Связка между «священной землей» и батырскими историями служит основой для ассоциирования участников погромов с героями, которые также вышли «защитить землю от посягательства врагов». Причем их действия трактуются как необходимость защищать «даже органы власти», которые не смогли оказать сопротивление дунганам.

Идентичность и идеология нации

Критичное восприятие текущей политики в области нацистротельства выступает следующим важным контекстом для языка вражды. Эта политика интерпретируется как «антиказахская», так как продолжает линию, заложенную в Советском Союзе.

Характерным нарративом является следующая цитата из публикации на казахском языке в одном из онлайн-изданий: *«Весь этот бред про многонациональность остался с тех времен, он придуман для того, чтобы забыли, кто хозяин этой земли. Это идеологическая хитрость, чтобы превратить казахов в одну из многих диаспор».*

Пропагандируемая политика толерантности в стране интерпретируется как знак рабского мышления, которое порождает незаслуженное строгое отношение к «титульной» группе. Государство обвиняется в том, что гостеприимство превратилось в политику «чрезмерной» толерантности, которая играет против казахов. Неоднократно поднимается тема о применении статьи Уголовного кодекса РК за разжигание межнациональной розни.

Обвинение властей в неумелой реализации концепции толерантности сопровождается требованиями реформировать национальную политику для усиления привилегированного статуса казахской нации. Наиболее частыми призывами являются роспуск Ассамблеи народа Казахстана, отказ от политики многонациональности и закрытие русскоязычных школ.

При этом существует утопия о казахском государстве, к которому политики должны стремиться. Ее главная черта – установление превосходства казахов во всех сферах жизни. Важная часть нарратива – это мифологизированное знание об опыте других стран, которые смогли построить «настоящее» национальное государство: *«Все развитые и цивилизованные страны мира строят национальные государства. Никто из них не забывает, кто является хозяином страны, и не показывает себя в качестве одной из диаспор. Вся наша проблема в том, что мы не воспринимаем казахов как нацию, способную создать свое государство, и сами себя принижаем».*

Популярной является также отсылка к тому, как в России, Чечне, Узбекистане и других странах устанавливаются правила для этнических меньшинств, чтобы они «знали свое место». Показателен следующий комментарий от пользователя: *«Если бы какая-то диаспора себя так повела в России, напала бы на полицию, то этой диаспоры уже там не было».*

Недоверие к институтам власти

Недоверие к власти проходит красной нитью в рассуждениях о причинах и последствиях межэтнических столкновений. Существует убеждение, что конфликт произошел в том числе из-за коррумпированности полиции, судей, которые выносят несправедливые решения в пользу этнических меньшинств. Пользователи также призывают власть и местные исполнительные органы не принимать сторону дунган, не преследовать в судебном порядке казахских участников событий.

В этом контексте самосуд со стороны участников беспорядков представляется как вынужденный и оправданный шаг. Как пишет один из комментаторов: «Если правоохранительные органы не выполняют свои функции, то люди сами устанавливают справедливость». *«В этом виновата система правоохранительных, судебных органов. Я больше года написала заявление в следственный комитет на мошенницу чеченку, написавшую себя в паспорте казашкой, но в ответ тишина! Я сейчас жду действия их старейшины, прошла всех, кого можно, ещё жду сабр соблюдаю. Но скоро и я совершу самосуд, так как мои права нарушены».*

Память о прежних межэтнических конфликтах

Еще один контекст, определяющий восприятие кордайских событий, – это предыдущие конфликты на межэтнической почве. Во враждебной речи комментаторов явно доминирует представление об этих событиях как подтверждение «неуважения» этническими меньшинствами казахов. А действия правоохранительных органов в отношении участников беспорядков трактуются как *«опять казахов сделают виновными».*

Интересно то, что извинения со стороны представителей дунганской общины – традиционный ритуал после подобных происшествий – не дают существенного эффекта с точки зрения смягчения враждебного нарратива. Более того, в некоторых случаях извинения воспринимаются как подтверждение вины пострадавшей стороны.

Опасной тенденцией является позитивная моральная идентификация участников предыдущих конфликтов. Определение их

действий как героического поступка и игнорирование факта совершения преступления могут мотивировать других к совершению аналогичных действий.

Заключение

Исследование позволило описать и проанализировать массовые убеждения, которые служат основой для оправдания насилия в адрес этнических меньшинств.

Во-первых, на основе анализа более 370 сообщений от лидеров мнений и рядовых пользователей в социальных сетях была составлена структура языка вражды. Выяснилось, что язык вражды содержит в себе обвинительные, дискриминирующие и призывающие к насилию высказывания.

Во-вторых, на основе аналитической рамки, предложенной Сюзан Бенеш и Кэтрин Бюргер, были описаны основные риторические техники, к которым пользователи социальных сетей прибегают для оправдания насилия. Оказалось, что часто встречается техника дегуманизации, или лишения этнических меньшинств человеческих качеств, а также зеркальное обвинение – приписывание группе действий, которые угрожают «своей» группе. Популярен также речевой прием по обвинению представителей «своих» в нелояльности.

Эти техники выносят атакуемую группу за рамки морально-нравственных норм, создают в их лице образ опасного врага, а также подавляют голоса тех, кто может выступить против ущемления людей по этническому признаку. Тем самым совершенное или предполагаемое насилие становится рациональным и даже вынужденным действием со стороны тех, кто воспринимает себя одной из сторон конфликта.

В-третьих, очевидно, что враждебная риторика в адрес этнических меньшинств глубоко погружена в социальный, политический и исторический контексты. Анализ выявил, что нарратив об антиказахской национальной политике Советского Союза выступает важной основой для реваншистских взглядов.

В этой парадигме мышления обеспечение привилегированного положения казахов – это восстановление справедливости и использование исторического шанса на установление «собственной» государственности. Ожидаемо, что пропаганда построения гражданской нации и мультикультурализма со стороны властей отвергается как препятствие на пути реализации этой идеи.

Недоверие к институтам власти и вера в их неэффективность создают следующий контекст, объясняющий, почему люди прибегают к самосуду и выясняют отношения с помощью оружия. Память о прежних конфликтах, в которых казахская сторона прибегала к насилию, служит еще одним показателем беспомощности властей. Соответственно, открывается возможность для героизации участников беспорядков, а также идеализации этнической мобилизации в качестве наиболее действенного способа разрешения конфликтных ситуаций.

Исследователи в разных странах отмечают наличие взаимосвязи между враждебной риторикой в онлайн-пространстве и насилием, совершаемым на почве ненависти к определенным группам людей¹¹. Одна из причин такой связи – формирование информационной среды, поддерживающей враждебные суждения и действия в адрес этих групп. В случае кордайских событий произошла успешная рационализация фактов насилия по этническому признаку, что, очевидно, создает риск для новых более масштабных проявлений насилия.

Рекомендации

Таким образом, исходя из этих результатов, можно рекомендовать постоянное изучение враждебной риторики по этническому признаку, встречающейся в публичном пространстве. Систематический мониторинг и анализ этой риторики должны стать основой для научных и аналитических публикаций, а результаты быть доступными для обсуждения среди граждан и экспертного сообщества. Особенно важно вовлекать в эти дискуссии тех лидеров мнений, которые сами распространяют идеологию вражды по этническому признаку.

Очень важно изучить и пересмотреть устоявшиеся в образовательных институтах практики, ритуалы и мифические знания, которые создают основу для разделения по этническому признаку на «своих» и «чужих».

Также гражданскому обществу предлагается создавать проекты для детей и молодежи, которые бы повышали ценность инклюзивности, плюрализма и формировали атмосферу принятия людей по этническому и расовому признакам.

В целом было бы полезно переориентировать политику предупреждения этнических конфликтов на работу с нарративами, их деконструкцию и создание альтернативного видения на укрепление гражданской идентичности в Казахстане. Успех этой политики зависит от способности институтов государства вовлечь как можно больше стейкхолдеров, заинтересованных в недопущении новых конфликтов на почве ненависти и вражды.

Список литературы

- 1 <https://informburo.kz/novosti/kasym-zhomart-tokaev-vstretilsya-s-zhitelyami-kordayskogo-rayona-102824.html>
- 2 <https://cabar.asia/ru/v-kazahstane-namereny-reformirovat-gospolitiku-v-sfere-mezhnatsionalnyh-otnoshenij>
- 3 <https://kazpravda.kz/news/obshchestvo/mezhetnicheskie-otnosheniya-ne-terpyat-shablonov--tuimebaev-o-sobitiyah-v-kordaiskom-raione>
- 4 Jonathan Leader Maynard (2014) Rethinking the Role of Ideology in Mass Atrocities, Terrorism and Political Violence, 26:5, 821-841, DOI: 10.1080/09546553.2013.796934
- 5 <https://sputnik.kz/incidents/20200211/12812792/Baqtbek-Smaguldungen.html>
- 6 Jonathan Leader Maynard (2014) Rethinking the Role of Ideology in Mass Atrocities, Terrorism and Political Violence, 26:5, 821-841, DOI: 10.1080/09546553.2013.796934
- 7 Benesch, Susan & Glavinic, Tonei & Manion, Sean & Buerger, Catherine. (2018). Dangerous Speech: A Practical Guide.
- 8 Там же.
- 9 Там же.

- ¹⁰ Benesch, Susan & Glavinic, Tinei & Manion, Sean & Buerger, Catherine. (2018). *Dangerous Speech: A Practical Guide*.
- ¹¹ Matthew L Williams, Pete Burnap, Amir Javed, Han Liu, Sefa Ozalp, *Hate in the Machine: Anti-Black and Anti-Muslim Social Media Posts as Predictors of Offline Racially and Religiously Aggravated Crime*, *The British Journal of Criminology*, Volume 60, Issue 1, January 2020, Pages 93–117, <https://doi.org/10.1093/bjc/azz049>

Ксения Кряквина

**Роль веры в правительство
в оправдании насильственных
действий во время событий
в Кордайском районе зимой
2020 года**

Введение

Формирование институтов для построения диалога между представителями различных групп в государстве является неотъемлемым компонентом демократического государства. Неспособность государства сформировать эффективные институты для построения диалога ослабляет его внутреннюю безопасность и создает нестабильную социально-политическую среду за счет подрыва собственной легитимности в глазах граждан (Brinkerhoff & Johnson, 2009). Этнические конфликты являются примером результата отсутствия возможностей для построения диалога между конфликтующими сторонами (Kimotho & Nyaga, 2016).

Наличие длительных периодов нестабильности среди населения, характеризующихся недоверием к правительству, может сигнализировать об ослаблении социально-политического режима (Miller, 1974). Подобные периоды недовольства правительством могут быть результатом глубоких конфликтов, которые в представлении определенных групп общества связаны с неспособностью политического режима сделать необходимые социально-политические изменения, то есть они ощущают, что государству нельзя доверять, так как оно не функционирует в их пользу (Miller, 1974).

Язык вражды является одним из ярких проявлений нарушения функционирования государства в процессе обеспечения внутренней безопасности и выстраивания доверия населения, так как он направлен на дискриминацию и маргинализацию определенных групп в государстве. Активное использование языка вражды гражданами может быть индикатором слабой государственности, с характерным низким уровнем доверия граждан, так как функционирование институтов, направленных на защиту интересов различных групп в обществе, не выполняет свои функции. Более того, потеря легитимности государства в глазах общества в вопросах обеспечения мультикультурного диалога может сама по себе становиться фактором порождения более активного языка вражды.

Данное утверждение делает анализ контента обратной связи населения (через комментарии) по вопросам обеспечения правительством мер для мультикультурного диалога актуальным, в частности, в свете недавних событий в Кордае, так как подобное

взаимодействие потенциально может привести к более активному выражению языка вражды и дальнейшей эскалации конфликтов.

В данной работе будет представлен контент-анализ постов и комментариев к ним из социальной сети Instagram, собранных в процессе мониторинга, организованного Международным центром журналистики MediaNet.

Описание исследования

По результатам мониторинга на тему кордайских событий зимой 2020 года было отобрано 39 постов на русском языке и 3 поста на казахском языке из популярных пабликов социальной сети Instagram. Паблики для мониторинга выбирались по уровню популярности среди подписчиков. Конкретные посты были отобраны тематически и по количеству полученных комментариев.

Временные рамки для отбора постов охватывают период с февраля по март 2020 года. Выборка комментариев осуществлялась по следующим критериям: отбирались комментарии, набравшие наибольшее количество поддержки/лайков, а также комментарии, содержащие язык вражды. В процессе анализа уделялось особое внимание постам, в которых рассказывалось о действиях правительства, в частности реакции высокопоставленных чиновников на происходящее в Кордае, так как реакция комментаторов важна для определения взаимодействия образа легитимности власти и использования языка вражды.

Язык вражды и легитимность государства

Основные обязанности государства заключаются в трех основных функциях: обеспечение безопасности, обеспечение эффективного и качественного доступа к ресурсам государства, управление политической активностью и обеспечение подотчетности. Выполнение данных функций необходимо для поддержания социального контракта между гражданами и государством, обеспече-

ния легитимности правительства в глазах народа (Brinkerhoff & Johnson, 2009).

Страны, в которых государство не в состоянии выполнить социальный контракт, очень часто испытывают сложности консолидации, в частности имеют высокий риск поляризации общества по этническим, религиозным или классовым линиям раскола, так как государство не является достаточно легитимным в глазах жителей и, как следствие, не в состоянии заручиться их доверием и поддержкой (Miller, 1974; Brinkerhoff & Johnson, 2009).

Свобода слова является важной составляющей демократического общества, так как она помогает правительству исполнять социальный контракт через распространение демократических ценностей, включая защиту прав индивидуумов на самовыражение (Weinstein, 2017). Однако радикальные формы самовыражения, такие как язык вражды, которые нацелены на дискриминацию и маргинализацию определенных групп в обществе, могут делегитимизировать государство в глазах граждан как неспособное выполнять законы, которые нацелены на защиту граждан от дискриминации (Asogwa & Eziebe, 2020).

Следовательно, активное использование гражданами языка вражды в отношении представителей различных групп общества может трактоваться как «слабость» власти в процессе реализации социального контракта. Более того, потеря легитимности государства в глазах общества в вопросах обеспечения безопасности групп через построение мультикультурного диалога может сама по себе становиться фактором порождения более активного языка вражды. Как результат, скепсис по отношению к способности власти обеспечить защиту и справедливость может вылиться в дальнейшую эскалацию конфликта, в том числе через более активное применение языка вражды и насильственные действия, оправданные желанием «восстановить порядок» в условиях слабого государственного управления и высокого уровня недоверия властям.

Собранный материал показывает, что события в Кордайском районе зимой 2020 года имеют подобную тенденцию. Можно отследить, что для постов, которые так или иначе описывают действия правительства в попытке уладить конфликт и наладить диалог между конфликтующими сторонами, характерно наличие комментариев, выражающих скептицизм/цинизм по отношению

к способности власти обеспечить справедливость при разрешении конфликта, имеют место обвинения в коррумпированности власти. На основании данного скепсиса нередко комментарии несут в себе призыв «навести справедливость» нелегитимными мерами, а также призывы к построению более эксклюзивного общества с четким доминированием прав «титულიной» нации над остальными.

Очень часто подобные комментарии набирали большой уровень поддержки, то есть большое количество лайков, местами самые популярные комментарии, наряду со скепсисом, содержали в себе язык вражды разного уровня, в том числе «жесткие» дискриминирующие высказывания и призывы к действию. Как было указано выше, данная работа делает основной фокус на анализ постов, в которых власть делает попытки к разрешению конфликтной ситуации в районе. Условно месседж в таких постах можно разделить на две группы: призыв к созиданию между этносами республики и сигналы о том, что государство наказало виновных и помогает реабилитации пострадавших.

Реакция граждан на призыв властей к созиданию

Основываясь на собранной информации, можно заметить, что при попытке государства восстановить порядок на территории Кордайского района отдельное внимание уделялось призывам к этнической консолидации и сохранению мира со стороны высших эшелонов власти, в частности Елбасы и Президента. Оба представителя власти в обращении делали основной упор на историческую сложность развития независимого Казахстана и роль национального единства в преодолении трудностей. Например:

«Если бы мы не смогли объединить наш многонациональный народ и обеспечить стабильность, то сегодня в нашу страну не пришли бы иностранные инвестиции, не работала бы экономика. Конечно же, перед государственными руководителями поставлены соответствующие задачи, но сохранение мира и согласия – это, прежде всего, ответ-

ственность нашего народа», – сказал Нурсултан Назарбаев»¹.

«Он (К. Токаев) отметил, что Казахстан является территорией дружбы, мира и согласия, общей родиной для представителей всех этнических групп. В самые трудные годы казахская земля приняла все народы, которые в силу разных исторических обстоятельств оказались здесь. Глава государства заявил, что необходимо сделать правильные выводы из случившегося в Кордайском районе»².

Реакция на данные посты неоднородная, большая часть комментариев к постам с похожим посылом сосредоточена на эксклюзивистской риторике вокруг вопроса владения государственным языком и уважения к культуре «титულიной» этнической группы. Однако в топ популярных комментариев вошли комментарии, выражающие несправедливое отношение власти к «титულიной» нации и коррумпированности режима:

«Вы Елбасы с ними вместе не живете а у нас на глазах они творят что хотят и почему им прощается я ни казашка но уважаю этот народ казахоа потому что все должно быть справедливо от их беспредела к казахам да еще и страдают сами казахи»³.

В данном комментарии отражается идея несправедливого отношения властей к «титულიной» нации в процессе разрешения конфликтной ситуации, весомость комментарию придает тот факт, что он был оставлен представителем другой этнической идентичности.

Как было сказано выше, среди комментариев, вошедших в базу данных настоящего исследования, можно также увидеть негативный настрой комментаторов по отношению к власти по причине коррумпированности режима, ссылаясь на то, что корень решения конфликта кроется в смене политического строя. Отрывок из комментария:

«...Очнитесь народ! Столько наций живут в одной стране нет чтоб гордиться вы сжигайте их дома. Вы мусульмане что ле после этого, укрепляйте свой иман, относитесь

друг другу уважительно, какое поколение у вас вырастит с такими понятиями, Сплотитесь вместе и делайте страну лучше а не хуже, в первую очередь выкинуть к черту этого Назарбаева нациста который только и делает что напоминает что Казахстан принял все нации к себе и опекает их, Советский Союз поднял страну а вы правительство разваливаете его только карманы себе набиваете, к черту такого президента!!!»⁴

Если перейти к рассмотрению комментариев с «жестким» уровнем языка вражды, можно обнаружить схожую тенденцию ссылок на коррумпированность режима:

«Когда они переселились в Жетысу, говорят кыргызы предложили всех перебить до единого, но один хитрожопый дунганин дал взятку золотыми монетами тогдашнему бий, получили земли и размножались как кролики. Этого бий звали Ногайбай, в честь этого коррупционера 19 века в Кордайском районе назвали село. Это означает, что коррупция у нас в крови, прочитавшие «Абай жолы» должны знать, что 90 % биев и султанов того времени были коррупционерами. Не знаю сколько времени понадобится нам искоренить эту болезнь, который проник в нас веками»⁵.

Автор ставит основной упор на то, что решение проблемы состоит в уничтожении дунган, что является жесточайшей формой проявления языка вражды, однако также указывает, что исторические тенденции коррумпированности режима не дают возможности реализовать подобного рода действия. Трактовка комментария довольно противоречива, так как, с одной стороны, указывается фактор коррупции, что является признаком слабости государства, однако, с другой стороны, мы видим, что противозаконные действия по отношению к дунганской диаспоре не могут быть воплощены при действующем режиме, что говорит о способности государства защищать граждан.

Тем не менее из анализа реакции граждан на призывы власти к созиданию и внутренней консолидации большую поддержку набирают комментарии, которые указывают на системные проблемы государства, которые подрывают доверие населения. В частности, такие факторы, как коррупция действующего режима и неспособность власти справедливо разрешить конфликтную

ситуацию, не ущемляя ни одну из конфликтующих сторон, в итоге приводят к тому, что консолидация общества не является успешной.

Реакция граждан на правительственные меры по разрешению конфликта

Вторая группа постов условно сфокусирована на донесении новостей по мерам, принятым государством, в частности привлечению зачинщиков конфликта к ответственности и оказанию помощи пострадавшим после погромов. В основном данные посты включают в себя заявления Президента и правительства о проделанной работе. Большая часть этих заявлений строится вокруг того, что основной причиной возникновения конфликта в Кордайском районе стала работа группы провокаторов и что власть сделала все возможное для наказания зачинщиков и предотвращения повторения подобных инцидентов. Примеры месседжа:

«Президент Казахстана опубликовал сообщение в своем личном Twitter-аккаунте. Глава государства отметил, что в селе из-за хулиганов возникла массовая драка, чем и попытались воспользоваться провокаторы. На данный момент ситуация находится на контроле правоохранительных органов. Касым-Жомарт Кемелевич добавил также, что все виновные в разжигании конфликта между сельчанами будут привлечены к ответственности»⁶.

Наиболее сильный резонанс в комментариях вызвал как раз факт того, что причиной конфликта были названы провокации. Комментарии к данным постам, набравшие наибольшее количество лайков, активно выражали позицию, касающуюся некомпетентности властей, и скептицизм касательно способности государства справедливо отнестись к сложившейся ситуации. Вот примеры некоторых комментариев:

«Провокаторы это дунганы. Они не подчиняются представителям власти, бьют ментов. Наш народ не виноват что менты не могут справиться с дунганами»⁷.

«Укумет басындагылар казакты коркытып баса бермениздер баска улт басымызга шыгып жатыр»⁸.

«Они начяли первыми, на задницу приключения нашли, заслужили!!!! Виновники молчат почему?! Даже прощения ради приличия не попросили!!! Как всегда наши парни крайные!!!!»⁹

Комментарии указывают на неспособность власти совладать с нарушениями со стороны представителей этнических меньшинств. Также заметен скептицизм по отношению к власти в вопросах справедливости при определении виновных, ссылка идет на дискриминационное отношение правительства к представителям «титальной» нации, замешанным в конфликте. Данная тенденция нашла выражение и в комментариях с присутствующим языком вражды по отношению к дунганам. Несколько примеров:

«Дунгендер Кинали соларды отырғызу керек .шамалары казакка гана жетеди булардын👎 и вообще коширу керек ,кайда турып жургендерин умытып калдыгой дим.сосын: окумет ешнарсени жондеп бермесин балелер оздери жондеп алсын .кутырып биитигой 🗨💡»¹⁰.

«Нету провокаторов надо было их давно на свое место ставить. Қазақты баса бермей»¹¹.

«если ище раз Наши будут виноваты, это оборнется вам очень очень больно, Казак жигиттеринде намыс оршип турганда Молчите! Не менты не омон нечего не остановить»¹².

«Ертен казактардын барын соттайды сонда котерылыске шыгындар казактар тек алга!»¹³

Язык вражды, обозначенный в этих комментариях, имеет два направления: призыв к агрессивным действиям в отношении этнической группы дунган, например, «выселить их» и «ставить на место», и в отношении властей – призыв не подчиняться властям в попытках разрешения данной ситуации, оправдывая собственные действия отсутствием доверия к мерам, принимаемым правительством, ссылаясь на «дискриминирующее» отношение.

Комментарии со «средним» и «мягким» языком вражды имеют схожую тенденцию к оправданию неправомερных действий с отсылкой на недоверие к властям:

«казактарды сабаганда баледейсындер,казактар котерылсе жандарын шыгады»¹⁴.

«...У меня там друзья живут, знаем что бесчинства и наглости там много, и все, что пишут в соц сетях все правда, если нет суда над ними наших властей нашей «доблестной» полиции то наверняка не было неожиданностью что свершится в итоге самоуд!!!! Властям не нужно было доводить до такого уставший и замученный наш НАРОД!!!!!»¹⁵

Комментарии к постам о мерах, применяемых правительством для разрешения конфликта, также не обошли стороной системные проблемы в функционировании правительственных органов. Такие, как нарушение законов представителями власти и неэффективность функционирования в вопросах решения споров между этническими группами, оправдывая нарушения системными проблемами:

«Алжыған шалдар пенсияға кетіңдерші қанды ішпей.Халықты тыңдамайсыңдар,қамап,қудалап өлтіріп жатырсыңдар. Заңды өздерің бұзып жүрсіңдер. Ол аздай қайдағы бір дүнгендердің көтіне кіріп жүрсіңдер. Халықты қорқытып осылай устаймыз деп ойламаңдар,Халық одан ары кектенеді,арты қиын болады»¹⁶.

«В этом виновата система правоохранительных , судебных органов !!! Я больше года написала заявление в следственный комитет на мошенницу чеченку написавшую себя в паспорте казашкой , но в ответ тишина ! Я сейчас жду действи их старейшины , прошла всех кого можно , ещё жду сабр соблюдаю ! Но скоро и я совершу самосуд , так как мои права нарушены . Мы терпеливый народ , но топтать не позволим ! Вот она система сама толкает меня на самосуд ! А потом сразу посадят меня и виновником буду я как зачинщик , да ???? Позор системе МВД что довели народ до этого !!!! Реформа нужна !»¹⁷

Данные посты спровоцировали развитие еще одной группы комментариев, дискуссия в которых направлена на развитие эксклюзивистских институтов в обществе как необходимых для решения этнических конфликтов. По логике комментаторов, формирование привилегированного статуса для «титულიной» идентичности должно априори убавить «амбиции» других этнических групп в обществе, что, в свою очередь, должно снизить вероятность развития конфликтов. Например:

«Токаев Мырза, Казакстанда казак ултынын статусын официально өзге улттан жоғары көтеруді талап етемін!»¹⁸

«Дунганы обнаглелы! Правительство им много дает! Надо в закон включить что бы они уважали коренных местных титульных наций»¹⁹.

Подобного рода заявления и поддержка среди читателей данных постов указывают на то, что государство имеет проблемы с процессом формирования национальной идентичности, так как в представлении комментаторов нынешнее функционирование институтов власти является неэффективным, а выходом в данной ситуации они видят установление дискриминационных институтов, которые будут обеспечивать господство «титულიной» этнической группы над остальными.

В сумме можно сказать, что посты, сфокусированные на донесении новостей по мерам, принятым государством, в частности привлечению зачинщиков конфликта к ответственности и оказанию помощи пострадавшим после погромов, вызвали гораздо более широкий резонанс.

В частности, аспекты сведения причин конфликта к провокациям получили наибольшее количество комментариев с критикой функционирования политического режима. В комментариях к данным постам можно наблюдать более тяжелые формы проявления языка вражды, однако особенностью комментариев является то, что призывы к неправомерным действиям по отношению к этнической группе зачастую оправдываются недоверием к властям из-за якобы неспособности властей справедливо разобраться в причинах возникновения конфликта.

Наряду с этим была отмечена тенденция призыва к формированию более эксклюзивистских политических институтов, опять же, оправданных скептическим отношением к способности властей справедливо разрешить конфликтную ситуацию.

Заключение

Основываясь на проведенном анализе постов и комментариев к ним на тему этнического конфликта в Кордайском районе в 2020 году, мы можем сказать, что наблюдается тенденция оправдания насильственных и дискриминирующих действий в отношении этнических меньшинств, основанная на сформированном у комментаторов низком уровне доверия к правительству, неспособному к справедливому наведению порядка.

Значительная часть языка вражды, примененного в комментариях, исходит из идеи несправедливого отношения власти к «титальной» нации и некомпетентности властей в вопросах урегулирования этнических отношений. Наряду с этим комментаторы активно эксплуатируют идею наличия системных проблем в структурах государственного управления. Например, таких как коррумпированность и неэффективность функционирования.

В сумме мы можем сказать, что системные проблемы, связанные с функционированием государства, являются основой для низкого уровня доверия среди населения. В итоге низкий уровень доверия властям в вопросах урегулирования конфликтов используется как основа для оправдания использования языка вражды, в том числе призыва к нелегитимным действиям по отношению к этническому меньшинству.

Рекомендации

Нужно отметить, что выборка, на которой основывается данный аналитический текст, является ограниченной, и для выявления более точной взаимосвязи нужно провести дополнительные

исследования в данном направлении, которые включают в себя более обширную выборку и другие кейсы. Однако тенденции, выявленные в данной работе, позволяют сделать ряд рекомендаций для предотвращения проявления агрессивных форм языка вражды среди населения.

Основной тенденцией проявления «жесткой» формы языка вражды было оправдание идеями о «слабости» государства, некомпетентного в вопросах обеспечения прав граждан, в частности отсутствием доверия среди населения к мерам, применяемым государством для разрешения конфликта. Следовательно, правительство должно уделять больше внимания восстановлению доверия населения и легитимизации режима в представлении граждан. Одним из способов достижения данных целей может стать расширение полномочий Ассамблеи народа Казахстана на региональном уровне, в частности в процессе регулярного мониторинга, проводимого представителями организации в регионах, уделение большего внимания работе с населением. Проводить опросы, охватывающие представителей различных этнических групп, возрастных категорий и сфер занятости, в ходе которых спрашивать о насущных проблемах населения. Предоставлять отчеты мониторинга местным органам самоуправления для разрешения ситуации и предотвращения конфликтов.

Рекомендуется принять активные меры по установлению верховенства закона на всех уровнях власти как гаранта защиты прав населения и легитимности правительства, посредством чего можно повысить уровень доверия властям среди населения. В том числе поднять на повестку активную борьбу с коррупцией и реформирование работы органов местного управления с целью повышения эффективности и прозрачности их деятельности, в том числе предоставления гражданам дополнительных рычагов влияния на качество деятельности местных органов самоуправления. Примером подобной реформы может быть активизация функционирования региональных представительств партийных ячеек за счет установления дополнительных институтов для работы с населением, в том числе онлайн-платформы, где жители могли бы открыто или анонимно заявлять о проблемах: таким образом обеспечить возможность гражданам более активно принимать участие в политической жизни страны и создать дополнительные источники для мониторинга развития регионов для представителей власти на различных уровнях.

Одним из аспектов, выделенных в контенте комментариев, был призыв к формированию эксклюзивного общества с рядом приоритетов для «титальной» этнической группы, что может стать дополнительным фактором дестабилизации общества. Для стимулирования формирования инклюзивного общества рекомендуется активировать работу организаций, ответственных за формирование инклюзивности в обществе, таких как Ассамблея народа Казахстана, путем ведения разъяснительной деятельности среди населения, в ходе которой упор должен ставиться на верховенство закона и понятия мультикультурного общества. Движущей силой в большинстве конфликтов являются молодые люди, следовательно, очень важно уделять внимание развитию инклюзивности в процессе работы с молодежью. Рекомендуется внедрить проведение схожих разъяснительных бесед в средних, средне-специальных и высших учебных заведениях, которые помогли бы молодым людям перенять мультикультурные и демократические ценности на стадии формирования личности.

Список литературы

- Asogwa, N. & Ezeibe. C. (2020). The state, hate speech regulation and sustainable democracy in Africa: a study of Nigeria and Kenya. *African Identities*. 1-16.
- Brinkerhoff, D.W. & Johnson, R.W. (2009). Decentralized Local Governance in Fragile States: Learning from Iraq. *International Review of Administrative Sciences*, 75(4). 585-607.
- Kimotho, S.G., & Nyaga, R.N. (2016). Digitized Ethnic Hate Speech: Understanding Effects of Digital Media Hate Speech on Digital Journalism in Kenya. *Advances and Language and Literary Studies*, 7(3). 189-200.
- Miller, A.H. (1974). Political Issues and Trust in Government: 1964-1970. *The American Political Science Review*, 68(3). 951-972.
- Weinstein, J. (2017). Hate Speech Bans, Democracy and Political Legitimacy. *Constitutional Commentary*, 32. 527-583.

¹ ztb_kz от 11 февраля 2020 года.

² ztb_kz от 2 марта 2020 года.

³ ztb_kz от 11 февраля 2020 года, 4 лайка.

⁴ Kazakh_inform от 11 февраля 2020 года, 10 лайков.

- ⁵ ztb_kz от 11 февраля 2020 года.
- ⁶ Kazakh_inform от 7 февраля 2020 года, 632 комментария.
- ⁷ Kazakh_inform от 7 февраля 2020 года, 220 лайков.
- ⁸ Kazakh_inform от 7 февраля 2020 года, 171 лайк.
- ⁹ Kazakh_inform от 14 февраля 2020 года, 171 лайк.
- ¹⁰ Kazakh_inform от 14 февраля 2020 года, 171 лайк.
- ¹¹ Kazakh_inform от 8 февраля 2020 года, 40 лайков.
- ¹² Kazakh_inform от 7 февраля 2020 года, 79 лайков.
- ¹³ Kazakh_inform от 7 февраля 2020 года, 121 лайк.
- ¹⁴ Kazakh_inform от 7 февраля 2020 года, 126 лайков.
- ¹⁵ Kazakh_inform от 14 февраля 2020 года, 171 лайк.
- ¹⁶ Kazakh_inform от 1 марта 2020 года.
- ¹⁷ Kazakh_inform от 8 февраля 2020 года, 75 лайков.
- ¹⁸ Kazakh_inform от 14 февраля 2020 года, 186 лайков.
- ¹⁹ Holanewskz от 12 февраля 2020 года, 10 лайков.

Дина Кучербаева,
Жулдыз Смагулова

Критический анализ
дискурса вражды

Введение

С активным ростом использования социальных сетей коммуникация между различными группами людей (расы, этнической принадлежности, национального происхождения, пола, религии, сексуальной ориентации и т.д.) становится более прямой. Это способствует появлению новых противоречий между людьми и росту дискриминации по различным признакам (Watanabe, Bouazizi, & Ohtsuki, 2018).

Barnidge et al. (2019) отмечают, что такие социальные сети, как Facebook и Twitter, онлайн-форумы для анонимных сообщений Reddit и 4Chan усугубляют проблему распространения языка вражды (ЯВ). В онлайн-пространстве растет количество виртуальных онлайн-сообществ и групп ненависти, которые создают враждебную виртуальную среду и используют ее для того, чтобы маргинализировать и демонизировать определенную группу или сообщество (Awan, 2016).

В условиях речевого конфликта в качестве защитной психологической реакции, зачастую подрывая культуру взаимного уважения, используется язык вражды (ЯВ) (Brink, 2011). Основными характеристиками дискурса вражды являются стигматизация, обвинение, создание стереотипов и т. д. (Vollhardt et al., 2006). ЯВ – это обобщенное обозначение языковых средств выражения агрессивного, жестокого или оскорбительного отношения человека к представителям иной группы.

Согласно Parekh (2006:214), ЯВ выражает, защищает, поощряет, пропагандирует или разжигает ненависть к группе лиц, отличающихся определенными характеристиками и/или особенностями. Более того, ЯВ может порождать как психологический, так и физический вред по отношению к этническим меньшинствам, коренным общинам, религиозным группам и т. д. (например, насильственные нападения на христиан-коптов в Египте, мусульман в Египте, эмигрантов в Греции и т.д.) (Benesch, 2014).

Значимое место в исследовании дискурса вражды принадлежит критическому дискурсу-анализу (далее – КДА), который изучает

связь между языком, властью и идеологией. Bastone (1995) отмечает, что КДА, как модель лингвистического анализа, стремится изучить скрытые идеологические конструкции, дискурсивные аспекты злоупотребления социальной властью, доминирование и вытекающие из этого последствия для статуса, солидарности и распределения социального блага и власти (Gee, 2011:68).

КДА помогает выяснить как предписывается, воспроизводится и навязывается система ценностей и взглядов, стереотипов, этнических предрассудков и т. д. С помощью КДА идеология (представления аспектов мира, которые способствуют установлению, поддержанию и изменению социальных отношений власти, доминирования и эксплуатации) анализируется с точки зрения модальности власти, а не просто описывается как убеждения, взгляды и т. д. определенных социальных групп (Fairclough, 2003:9).

Fairclough (2003:24) предлагает три уровня дискурса: на микроуровне дискурс организуется социальными событиями, на мезоуровне – социальными (дискурсивными) практиками, и на макроуровне – социальными структурами. На микроуровне при изучении дискурсивных событий тексты или другие формы дискурса анализируются путем подробного их описания (с учетом содержания, структуры, грамматики, словарного запаса, интертекстуальности, а также риторических или литературных приемов).

При исследовании дискурсивных практик на мезоуровне аналитики анализируют процессы, лежащие в основе дискурсивного производства, распространения и ассимиляции, и интерпретируют дискурс на основе этого контекстуального понимания. Макроуровень социальных структур требует понимания более широкого социального контекста (включая неявные и явные правила, нормы или нравы, управляющие дискурсом и обществом). Макроуровневый анализ также требует реинтеграции идей, полученных в результате исследований на микро- и мезоуровне, для объяснения взаимосвязи между дискурсом, идеологией и социоматериальным миром (Johnson & McLean, 2020).

В литературе выделяются следующие основные принципы КДА (Fairclough & Wodak, 1997):

- КДА адресует внимание социальным проблемам;

- властные отношения дискурсивны;
- дискурс выполняет идеологическую работу;
- дискурс представляет общество и культуру;
- дискурс историчен;
- связь между текстом и обществом опосредована;
- дискурсивный анализ бывает интерпретативным и объяснительным;
- дискурс – это форма социального действия.

Klein (2018) утверждает, что ЯВ невозможно проанализировать с помощью простого системного лингвистического анализа: возникает необходимость использования критического и коммуникативного аспектов анализа, поскольку именно КДА имеет инструменты, наиболее подходящие и эффективные для понимания явного или скрытого, подсознательного враждебного значения в определенном коммуникативном продукте. То есть в каждом из различных коммуникативных процессов необходимо обращать внимание на такие коммуникативные механизмы, как:

- техника общения (слово, предложение, изображение, тон голоса, жест, взгляд, символ, изображение и т. д.);
- процедура коммуникации (как, где и когда используется метод);
- коммуникативная стратегия (почему используется этот метод).

Что касается расистского и межэтнического дискурса вражды, Dossou & Klein (2016, цитируется по Klein, 2018:9) выделяют следующие коммуникативные процессы дискурсивной дискриминации, ориентированные на расистскую ненависть. Как нам кажется, эта классификация может быть эффективным инструментом анализа казахстанского дискурса вражды по отношению к национальным меньшинствам:

**Таблица 1. 25 коммуникативных процессов
дискурсивной дискриминации**

1. Анимализация (animalization)	14. Милитаризация (militarization)
2. Банализация (banalization)	15. Национализация (nationalization)
3. Криминализация (criminalization)	16. Поучительство (patronization)
4. Дегуманизация (dehumanization)	17. Физиономинизация (physionominization)
5. Демонизация (demonization)	18. Поляризация (polarization)
6. Очернение (denigration)	19. Разделение на расы (racialization)
7. Этнизация (ethnicization)	20. Определечивание (reification)
8. Отторжение от гражданства (exclusion from citizenship)	21. Религиозация (religionization)
9. Унижение (humiliation)	22. Радикализация (radicalization)
10. Инфантилизация (infantilization)	23. Сенсационализация (sensationalization)
11. Запугивание (intimidation)	24. Сексуализация (sexualization)
12. Минимализация (minimalization)	25. Виктимизация (victimization)
13. Миссионерствование (missionization)	

Согласно Cozien (2015:27), в дискурсе выражаются (создаются и воспроизводятся) различные этнические, расовые и иные социально-культурные стереотипы, а также формируются общие представления о природе этих стереотипов. Коммуникация, таким образом, является всегда идеологическим вопросом, коммуникация в контексте или на почве ненависти связана со стереотипами и властными отношениями.

Другими словами, расизм, антисемитизм, ксенофобия, афрофобия, дискриминация и т. д. конструируются дискурсивно. Так, при анализе дискриминационной коммуникации должны учитываться следующие факторы: кем, кому, с какой целью, в каких обстоятельствах, в каком контексте, в какой ситуации и с каким намерением был произведен конкретный текст (Klein, 2018:7).

Критический анализ языка вражды: кейсы

В данном разделе предлагается обзор некоторых международных исследований по изучению дискурса вражды в СМИ, выступлениях политиков и социальных сетях на тему межэтнических отношений и конфликтов.

Arcan (2013), изучавший язык вражды в турецких СМИ, отмечает, что количество заголовков и новостей, демонизирующих определенные группы по признаку этнической принадлежности, религии, пола или сексуальной ориентации, увеличилось. Учитывая, что повествования в СМИ и новостные репортажи влияют на репрезентацию социальных групп, автор пытается раскрыть стратегии языка вражды по отношению к этническим и религиозным меньшинствам в Турции.

Так, критический анализ статей в семи различных турецких газетах, опубликованных в течение 2011 и 2012 гг., показал, независимо от идеологической или политической позиции, следующие доминирующие паттерны дискурса вражды. Во-первых, создается позитивная репрезентация «себя» (доминирующей этнической группы) и отрицательная репрезентация «другого» (этнического меньшинства). Последние описываются с помощью слов, которые имеют негативные коннотации, создается оппозиция за счет подчеркивания различий между этническими группами. Происходит конструирование поляризованных личностей (construction of polarised identities). Например:

The Greeks [...] no race in the world has such lying, untrustworthy, unreliable people (H. Macit Yusuf, Yeniçağ 12 Sep. 2012, www.yg.yenicaggazetesi.com.tr) (Arcan, 2013:50).

Греки [...] ни одна другая (этническая) раса в мире такая лживая и ненадежная.

The most ferocious enemy of Muslims are the Jews [...] Let me remind you that all gambling games were invented by Jews. Are you aware of how the Jews took you away from your [Muslim] faith and make you slaves? (Adnan Öksüz, Milli Gazete 3 Sep. 2012, www.milligazete.com.tr) (Arcan, 2013:50).

Самый жестокий враг мусульман – евреи [...] Напомню, что все азартные игры были изобретены евреями. Вы знаете, как евреи отняли у вас [мусульманскую] веру и сделали рабами?

Во-вторых, этнические меньшинства дискурсивно конструируются как нелояльные граждане и предатели. Автор приводит следующие примеры, которые указывают на распространенные формы дискурса ненависти, подчеркивающие предполагаемую нелояльность и предательство этнических меньшинств:

There is no other country that has such big number of traitors [...] The Turks are suffering under the Armenians' cruelty (Altetur Kılıç, Yeniçağ, 26 Apr. 2010) (Arcan, 2013:52).

Нет другой страны, в которой было бы такое количество предателей [...] Турки страдают от жестокости армян.

They [Kurds] are burning [Turkish] flags, ruining neighbourhoods, [but] then expect to be served by state (Sözcü, 14 Jul. 2011) (Arcan, 2013:52).

Они [курды] сжигают [турецкие] флаги, разоряют соседей, [но] затем ожидают, что их обслужит государство.

Obiora, Aboh & Dioka (2021) при критическом анализе некоторых выступлений политиков в Нигерии выявили, что власть и социальное доминирование демонстрируются путем использования обвинений, суждений, издевательства, унижения и пренебрежения. Авторы приводят следующие примеры:

The police are the one promoting crime in Nigeria. Most of the kidnapping in the country are done by the police (Obiora, Aboh & Dioka, 2021:496).

Полиция – это та самая полиция, которая поощряет преступность в Нигерии. Большинство похищений в стране совершает полиция.

Congress at the Federal Government level has failed Nigerians (Obiora, Aboh & Dioka, 2021:496).

Конгресс на уровне федерального правительства подвел нигерийцев.

Их исследование показало, что в речи политиков используются всевозможные ненавистнические высказывания, цель которых – повлиять на общественность и манипулировать ею. Так, дискурс вражды создает неравные отношения между правящей и оппозиционной партиями. Более того, СМИ, культурные, религиозные и этнические группы в Нигерии также усугубляют ситуацию, публично разжигая ненависть друг к другу.

Awan (2016), изучающий исламофобию в британском дискурсе, отмечает, что материал, публикуемый в социальных сетях «новыми» сообществами, потенциально может иметь разрушительное влияние на сплоченность в обществе. К примеру, качественный анализ ЯВ на 100 разных страницах постов и комментариев в Facebook выявил 494 факта использования ЯВ по отношению к мусульманским сообществам.

Тем самым исследование показало рост антимусульманских настроений и исламофобии среди пользователей. Мусульмане демонизируются и очерняются в интернете, что проявляется в негативном отношении к ним, дискриминации, навязыванию стереотипов. Кроме того, физические угрозы и домогательства в интернете потенциально могут подстрекать к насилию или предвзятым действиям к той или иной группе. Например (орфография и пунктуация автора сохранены):

Kill them all they leave there own country to infiltrate and then breed like rabbits and live of the tax payers money (Awan, 2016:7).

Убейте их всех, они покидают свою страну, чтобы проникнуть, а затем размножаться, как кролики, и будут жить за счет денег.

Таким образом, даже очень краткий обзор исследований по ЯВ и ненависти в контексте явных и скрытых межэтнических конфликтов показывает схожесть в выборе дискурсивных процессов. В следующих разделах описываются результаты анализа казахстанского дискурса.

Методология исследования

Материалом данного исследования послужили материалы электронных СМИ, посты лидеров мнений и комментарии в социальных сетях Facebook и Instagram после массовых беспорядков в Кордайском районе в феврале 2020 года. Данные включали в себя посты лидеров мнений, как нейтральные, так и содержащие ЯВ. Общее количество постов лидеров мнений на русском языке, отобранных для анализа, составило 91 пост, на казахском языке – 45 постов.

Кроме того, в данные вошли комментарии с ЯВ, число которых к постам на русском языке составило 218 комментариев и постам на казахском языке – 287 комментариев. Целью нашего критического анализа содержания постов и комментариев было определение типичных паттернов в публикациях по освещению кордайских беспорядков путем генерирования визуальных «облаков» (Word Clouds) по ключевым словам на русском и казахском языках, а также выявление типичных коммуникативных процессов дискурсивной дискриминации в разных типах текстов – газетных сообщениях, постах и комментариях.

Результаты исследования

Анализ данных показал, что в зависимости от коммуникативных целей – информировать, анализировать, реагировать – в официальных СМИ, постах лидеров мнений и комментариях пользователей о кордайских событиях обнаруживается использование разных коммуникативных процессов дискурсивной дискриминации.

1. Анализ публикаций по освещению кордайских беспорядков в СМИ

Сразу бросается в глаза различие в коммуникационных механизмах между СМИ на казахском и русском языках. В официальных СМИ на казахском языке в основном публикуются перепосты материалов, взятых со страниц лидеров мнений в Facebook или со ссылкой на видео, интервью или выступления представителей власти и публичных личностей. Из 21 статьи по теме кордайских событий в СМИ на казахском языке только три статьи на информационном портале Abay.kz предлагают собственный информационно-аналитический контент.

Подобная техника избегания выражения собственного мнения, но перепоста материалов, содержащих ЯВ, позволяет распространять негативно- или агрессивно-окрашенные сообщения, но снимает, наверное, ответственность с редакции.

Ниже представлено «облако» слов, включающее в себя ключевые слова по освещению кордайских событий в СМИ на казахском языке (рисунок 1). При информировании читателей о беспорядках в Кордайском районе были затронуты ошибки политики и идеологии межэтнических отношений, знание языка, социально-экономические причины и криминально-провокационный характер конфликта. Из «облака» наглядно видны коммуникативные процессы национализации (например, «*мемлекеттік тіл*», «*идеология*») и криминализации (например, «*қылмыскерлер*», «*қақтығыс*», «*төбелес*», «*тәртіпсіздік*», «*қантөгіс*»).

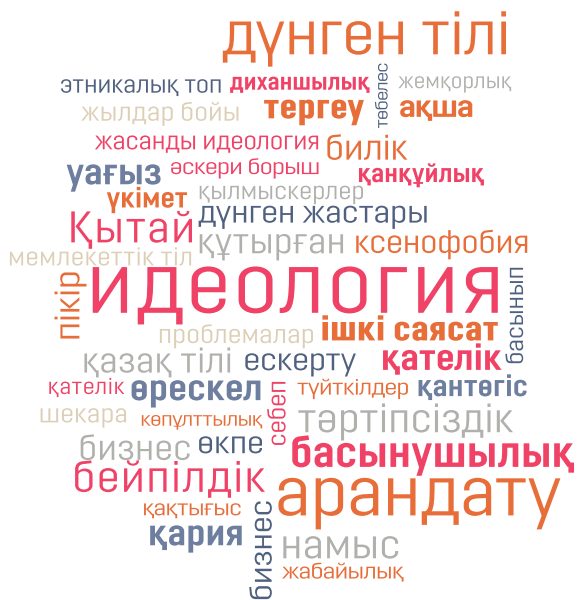

Рисунок 1. «Облако» слов, представляющее ключевые слова в СМИ на казахском языке

В русскоязычных СМИ дается свой собственный контент, но он носит в основном информативный характер. При этом следует отметить, что типичными являются процессы криминализации и минимализации (Klein, 2018, Dossou & Klein, 2016) по отношению к этническим группам. Например:

- «Одним словом, из-за контроля над источниками незаконных доходов возник конфликт между двумя криминальными группами».
- «Участвовать в этом бизнесе хотела и другая группировка».
- «Президент считает, что дракой, возникшей из-за хулиганских побуждений, пытались воспользоваться провокаторы».

- «Теперь перед правоохранительными органами стоит задача наказать в строгом соответствии с законом всех преступников, независимо от их национальности».

Из «облака» ключевых слов в СМИ на русском языке можно отметить, что такие ключевые слова, как «преступники», «контрабанда», «драка», «наказать», «ранения», «погибли» и др., являются наиболее частотными (рисунок 2).

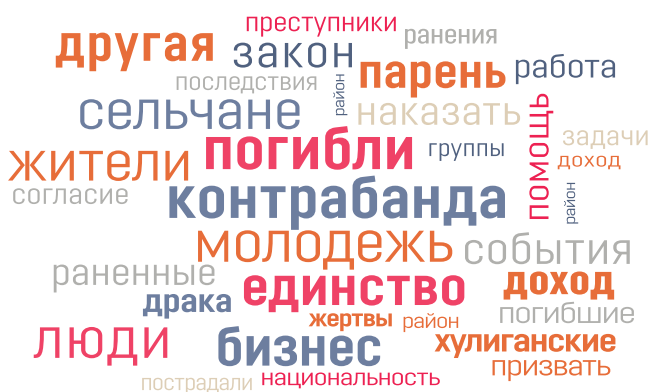

Рисунок 2. «Облако» слов, представляющее ключевые слова в СМИ на русском языке

2. Анализ публикаций по освещению кордайских событий в постах лидеров мнений

Посты лидеров мнений носят более аналитический характер, авторы пытаются понять причины конфликтов и дать рекомендации для улучшения межэтнических и социальных отношений. Типичным для постов является использование обвинений и осуждений (Obioга et al., 2021) в адрес действующего правительства. При этом мы наблюдаем процессы виктимизации, когда «народ» (заметим, что не этнические меньшинства) конструируется как жертва «плохой власти»:

Опять таки, это недоработка местных органов власти.

Все что происходит сейчас на юге – это результат системных сбоев и ошибок, совершенных властью в последние 25 лет.

Самые продажные структуры у нас Правоохранительные и Судебные.

Ситуация в Масанчи это результат бездействия силовиков.

Хороший народ Казахстана терпят очень Плохую власть.

Аудан әкімі комиссиядан қашып жүр.

Бүгінгі билік жағдайды толық бақылауында ұстап тұрған жоқ.

Полицияның абыройы жоқ, тәртіп орната алмаған соң, халық жазаны өзі беруге шықты.

Необходимо отметить, что в некоторых постах лидеров мнений на казахском языке, помимо обвинений в адрес власти, присутствуют обвинения в адрес этнических меньшинств:

Сонда ол оқиғаға ауылдың әкімі Дүнген еш кінәлі емес, тек облыс әкімі кінәлі ме?

Бүлікке себеп болған дүнген жастарының бұзақылығы басынышылық.

Таким образом, мы опять видим различия в дискурсе на казахском и русском языках: возможность встретить ЯВ в постах на казахском языке выше. Надо заметить, что, хотя лидеры мнений довольно аккуратны в высказываниях и стараются избегать ЯВ, особенно «жесткого», в них прослеживается процесс поляризации «дунгане vs. қазақ жігіттері».

Рисунки 3 и 4 показывают различия в частотности ключевых слов на казахском и русском языках.

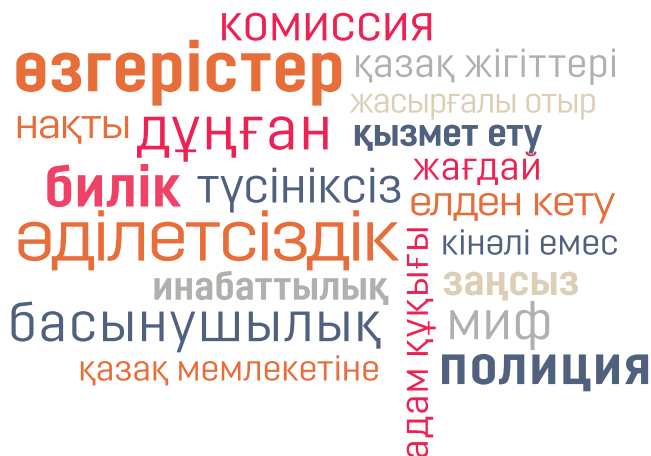

Рисунок 3. «Облако» слов, представляющее ключевые слова в постах лидеров мнений на казахском языке

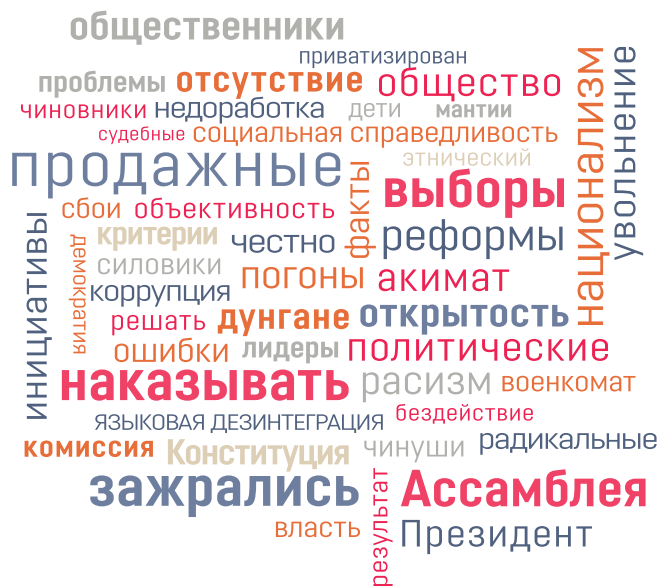

Рисунок 4. «Облако» слов, представляющее ключевые слова в постах лидеров мнений на русском языке

3. Анализ публикаций по освещению кордайских событий пользователями социальных сетей

Дискурс комментариев разительно отличается от сухого тона материалов в СМИ и стремящихся к анализу постами лидеров мнений. В комментариях ярко прослеживается дискурсивная стратегия *othering* (конструирование «других») с помощью противопоставления *«мы – хорошие, они – плохие»*.

Анализ данных показал, что в условиях речевого конфликта одной из дискурсивных стратегий среди пользователей социальных сетей является конструирование «мы-группы» vs. «они-группы» как различительной дифференциации в иерархии идентичности (Wodak, 2009, van Dijk, 1992). В публичном дискурсе при этом создается отрицательная репрезентация представителей «они-группы» по сравнению с «мы-группой». Если «они-группа» не будет подвергаться стигматизации и унижению, то обеспечение позитивной идентичности себя или своей собственной группы становится менее возможным (Tripathi, 2016).

В дискурсе создаются бинарные оппозиции (поляризованная репрезентативность): представители чужой группы демонизируются и делегитимизируются (Wodak, 2009). В нашем случае «мы-группа» предписывается казахам, которые в комментариях наделяются положительными характеристиками (*«молодцы»*, *«дружелюбный народ»*, *«мирный народ»*, *«скромный народ»* и т. д.), в то время как к «они-группе» относят представителей других этнических групп. В комментариях образ «других», «чужих» конструируется негативно (*«невоспитанные»*, *«наглые люди»*, *«шакалдар»*).

3.1. Конструкт «мы»

Примеры поляризации в комментариях пользователей: «мы – хорошие» (здесь и далее орфография и пунктуация комментаторов сохранены):

Казахи самые дружелюбный народ мы ничего лишнего не просим. просто всегда вспоминайте чья это земля.

Мы и так слишком добры до тех пор пока не тронут.

Мы казахи уважаем гостей на своей земле, закон

гостеприимства для нас священен, но не загостилась ли она у нас?!

Мы своей гостеприимностью и добротой, адамгершілік этот наш, мягкостью не только себе на голову посадили.

Казахи молодцы.

Казахи - это самый миролюбивый, скромный, недерущийся и не врущий народ.

Самый терпеливый народ это казах.

Привыкли что мы великодушный и мирный народ и пользуются.

Наши нетрогали и не будут трогать детей дунганцов и женщин Казахи же не звери.

Следует отметить различия в дискурсивном конструировании «мы» на казахском и русском языках. Среди «мы»-нарративов можно часто встретить процесс *виктимизации* казахов с характерной тенденцией описания себя как «страдающего народа» («ламентинг», Смагулова и др., 2017). Например:

Казак халкы хор болып биттик кой. неге олар басынады кайта рахмет айтып тыныш журмейме. кутырды олар.

Эй казах, где твоё былое гостеприимство? - кричат люди. Устал - отвечает казах.

Уставший и замученный наш НАРОД!!!!

Ай сорлы казак айтсаң өзімізге тиеді.

Однако справедливо отметить, что есть и такие комментаторы, которые дискурсивно конструируют негативный образ своей же этнической группы через *очернение* своей группы и *поучительство*:

Я бы не сказал что мы прям терпим их. Мы трусливо боимся им что то сказать. Мы обычный, глупый, малообразованный и трусливый народ.

Казак жаксы соз айтпайды, озынен баска жаксы адам жок.

Где же вы были гордые братья казахи когда девочку в школьном туалете в Таразе насильовали?? А, точно, насильовал то какой никакой, а свой, КАЗАХ. Где вы были когда наш гордый воинственный казах на глазах у детей жену, нашу сестренку казашку забил до смерти??? Где вы были когда Вашу сестренку казашку насильовали в поезде 2 наших брата казаха?? И так можно перечислять до бесконечности... А тут нашли повод. В реальные поводы Вы ДОРОГИЕ МОИ БРАТЬЯ КАЗАХИ безинициативные ТРУСЫ. 😞

У нас власть плохая, потому что мы сами плохие и далеко от неё не ушли.

3.2. Конструкт «они»

Дискурсивное конструирование «они-группы» происходит с помощью использования различных процессов. Одним из основных процессов становится *очернение*:

Они невоспитанные и благодарные.

Барахолкадагы дунгандар вобще наглыйго.

Ни скем ужиться не могут.

Не удивлюсь если поменяют веру.

Армияга бармау үшін, псих. диспансерден справка сатып алады, мед. комиссияга барарда коздерине кызыл бурыш сеуіп алады екен. Ерлерінін қобісі әйелдерімен занды турде ажырасып алған, бірақ бірге турады, оны қоп балаларына мемлекеттен қобірек пособия алу үшін жасайды. Ангімесі қоп булардын, шыга береді.

Дегуманизация и анимализация:

Они вообще не люди а твари наглые люди не хорошие.

Шақалдар олар.

Криминализация:

Мемлекет пен заңды сыйламайды.

*Если дунганин, значит, может калечить людей и убивать?
Должен работать закон. Вне зависимости от нации.*

Поляризация по языковому и культурному признакам, причем такая поляризация распространяется на всех, кто не говорит или плохо говорит на казахском языке, включая этнических казахов:

Хитровыебанные эти все русскоязычные корейцы китайцы-дунгане.

Это довольно замкнутая в своём этническом пространстве группа... не знающая нашего языка, наши обычаи, и не пытающаяся как то участвовать в жизни казахстанцев.

Қазақша сөйлейтін басшылар керек. мангурттер белгілі го тірліктері.

Это вроде наших обрусевших манкуртов считающих себя почти рускими и всегда видят в своих нации только негатив...

Психически неполноценные монголоидные азиатки. считающие себя продвинутыми потому что по руски образованны и всегда против своей нации... т.е. интернационалисты...

Наиболее часто встречающимся процессом являются призывы лишить гражданства представителей миноритарных этнических групп:

Қазақстаннан қуу керек!

Оңбағандар қайтсын еліне.

Көздерін құртып, кетсін, қайда кетсе, онда кетсін.

Қытайына жіберу керек қайтадан!

Қытайға қайта қуып тығу керек надандарды.

Кетсін!

Қара қытайды құрту керек.

Ұнамаса жол ашық, ресейге, қытайға ,қайда кетсе өз еріктері!

Гнать нахрен.

Пусть уезжают раз не уважают Казахстан и законы.

Пиздуют пусть в свой китай.

Счастливого пути! Надо было уважать местных.

Уебвайте от сюда нахуй...счастливого пути...в Кыргызстане тоже скоро пизды получите...

Қазақты силамағанды қуып жіберу керек жерімізден елімізден.Кетсін!

Қазірден елден кеткені жақсы.

НАДО ДЕПОРТИРОВАТЬ ВСЕХ «ЗЛЫХ ДИАСПОР» ИЗ КАЗАХСТАНА.

Всех не казахов надо повыкидывать, вас в первую очередь.

Негизи қуып жиберу керек барсын осылай.

Я не националистка, просто не понимаю их, чем жить в ненависти к казахскому обществу, идите, живите счастливо в Китае.

Рисунки 5 и 6, представленные ниже, визуально демонстрируют частотность ключевых слов в комментариях пользователей социальных сетей Facebook и Instagram к постам лидеров мнений на казахском и русском языках соответственно и иллюстрируют коммуникативные процессы дискурсивной дискриминации, оскорблений и ненависти по отношению к представителям «чужой» группы.

Рисунок 5. «Облако» слов, представляющее ключевые слова в комментариях пользователей социальных сетей Facebook и Instagram к постам лидеров мнений на казахском языке

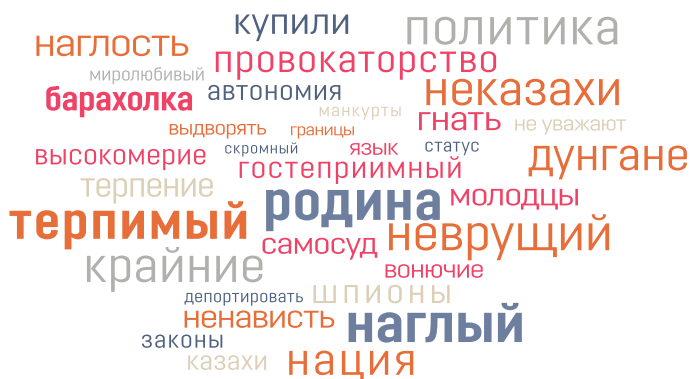

Рисунок 6. «Облако» слов, представляющее ключевые слова в комментариях пользователей социальных сетей Facebook и Instagram к постам лидеров мнений на русском языке

Выводы

В настоящей статье проанализирован дискурс вражды в казахстанских электронных СМИ и блогосферы на основе критического дискурсивного анализа. Основной целью анализа было описать дискурсивные стратегии создания оппозиции «мы – они» и коммуникативные процессы дискриминации этнических меньшинств. В частности, мы хотели узнать, как конструируются кордайские события.

Данное исследование выявило опасное присутствие разнообразных коммуникативных процессов дискриминации в постах и комментариях о кордайском конфликте. Данные позволяют нам говорить, что этнические и национальные категории доминируют в формировании коллективного представления о проблеме.

Во всех формах дискурса присутствует дискриминационная коммуникация. Наиболее открыто оскорбления и ненависть выражаются в комментариях к постам, наиболее скрыто – в информационных текстах СМИ. Обнаружены также различия в типичных дискурсивных стратегиях между текстами официальных СМИ, постами лидеров мнений и комментариями пользователей. Эти три разных жанра различаются по уровню использования языка вражды и по выбору коммуникативных процессов при дискурсивном конструировании противопоставления «мы – они».

Свобода слова – это фундаментальное право свободно выражать мнение, но при этом любые формы выражения предрассудков и дискриминации, от физического насилия вне Сети до словесных оскорблений и ненависти в интернете, могут иметь разрушительные последствия для сплоченности сообщества (Awan, 2016). Tsesis (2002) утверждает, что насилие в отношении этнических меньшинств и других групп никогда не происходит изолированно, а легитимируется и становится более вероятным в результате нормализации социальных убеждений, обычаев, образов, метафор и стереотипов, которые унижают человеческое достоинство.

Деструктивные идеологии и дегуманизация становятся «нормой»: слушатели привыкают к дегуманизации и деструктивной идеологии, так как постоянные повторения определенных сообщений в медиа, официальном дискурсе и повседневном общении становятся приемлемыми, нормальной частью повседневной жизни

(Vollhardt et al., 2006:25). Для предотвращения межэтнических проблем необходимо изучать разрушительное воздействие языка вражды и дискурсивной дискриминации на социальную стабильность и повышать осведомленность о реальных последствиях языка вражды и ненависти (Arcan, 2013).

Рекомендации

Разжигание ненависти создает серьезную угрозу для сохранения сплоченности общества, защиты права человека и верховенства закона. Многочисленные рекомендации, разработанные в разных странах – Финляндии (Jäske et al, 2021), Словакии (Miškolci, Kováčová & Rigová, 2020), Нигерии (Udanor & Anyanwu, 2019), Индонезии (Hartono, Seregig, & Wibowo, 2021), Исландии (Pálmadóttir & Kalenikova, 2018) и др., кажется, сходятся в одном: что действия против использования языка вражды должны служить для защиты человека и социальных групп, а не отдельных взглядов, идей или политических интересов.

ECRI (Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью) подчеркивает, что для эффективного противодействия языку вражды необходимо:

- признание фундаментальной важности свободы выражения мнений, терпимости и равного уважения достоинства каждого человека;
- выявление причин возникновения ненависти и устранение этих причин: зачастую основным фактором конфликта становятся неразрешенные социально-экономические причины;
- вовлечение в борьбу с языком вражды широкого круга лиц и организаций.

ECRI рекомендует повышать осведомленность общественности о важности уважения плюрализма и опасности языка ненависти. Для это необходимо последовательно и систематически разоблачать ложность предпосылок, на которых строятся эти ненавистнические высказывания и утверждения. Важно также бороться

с дезинформацией, негативными стереотипами и стигматизацией определенных групп, с одной стороны. С другой стороны, необходимо внедрять и укреплять ценности, которым такой язык угрожает.

Международный опыт показывает, что без поддержки неправительственных, правозащитных организаций государству сложно бороться с языком вражды и иными проявлениями ненависти. Следовательно, необходимо развивать сеть независимых экспертных организаций, которые мониторят и реагируют на любые проявления ненависти.

Помимо этого, в международной практике рекомендуется, чтобы представители государства, политики, общественные деятели и публичные фигуры быстро реагировали на высказывания, содержащие язык вражды и ненависти, публично осуждая их. Необходимо разъяснить гражданскую и административную ответственность за использование языка вражды и ненависти, но при этом не умаляя права на свободу выражения мнения.

И здесь становится крайне важным определение конкретных обязанностей авторов ненавистнических высказываний, интернет-провайдеров, веб-форумов и хостов, онлайн-посредников, платформ социальных сетей, модераторов блогов и других лиц, выполняющих аналогичные роли.

Только совместные действия разнообразных игроков способны дать хоть какой-то отпор росту языка вражды. Но и, конечно же, подобные высказывания – лишь индикатор глубоких социальных проблем и конфликтов. Нужен глубокий анализ ситуации: меры по предотвращению дальнейших проявлений ненависти должны основываться на серьезных эмпирических исследованиях, а не приниматься в угоду сиюминутным политическим выгодам и популизму.

Список литературы

- Awan, I. (2016). Islamophobia on social media: A qualitative analysis of the facebook's walls of hate. *International Journal of Cyber Criminology*, 10(1), 1–20. <https://doi.org/10.5281/zenodo.58517>

- Barnidge, M., Kim, B., Sherrill, L. A., Luknar, Žiga, & Zhang, J. (2019). Perceived exposure to and avoidance of hate speech in various communication settings. *Telematics and Informatics*, 44, 101263. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2019.101263>
- Bastone, R. (1995). Grammar in discourse: Attitude and deniability. In G. Cook and B. Seidlhofer, (Eds.), *Principle and Practice in Applied Linguistics*, 2(1), 97 – 213. Oxford: Oxford University Press.
- Benesch, S. (2014). Defining and diminishing hate speech. *State of the world's minorities and indigenous peoples, 2014*, 18-25.
- Brink, D.O. (2001). Millian principles, freedom of expression, and hate speech. *Legal Theory*, 7(2), 119-157.
- Cozien, C. (2015). *Racism under the linguistic microscope: a preliminary investigation into what the critical analysis of South African news media discourse can reveal about racial stereotyping, and the relationship between culture and language*. Cape Town: University of Cape Town.
- Dossou, K.M., Klein, G.B., & Ravenda, A.F. (2016). Our RADAR communication concept. In K. M. Dossou & G. B. Klein (2016). *RADAR Guidelines. Understanding hate-oriented communication and tools for anti-hate communication strategies in an intercultural dimension* (pp. 5-18). Deruta/Perugia: Key & Key Communications.
- European Commission against Racism and Intolerance. (2016). *ECRI General Policy Recommendation No. 15 on Combating Hate Speech*. Retrieved from <http://hudoc.ecri.coe.int/eng?i=REC-15-2016-015-ENG>.
- Fairclough, N. (2003). *Analysing discourse: Textual analysis for social research*. Psychology Press.
- Fairclough, N.L. & Wodak, R. (1997). Critical discourse analysis. In T. A. van Dijk (Ed.) *Discourse studies. A multidisciplinary introduction* (pp. 258-284). London: Sage.
- Gee, J.P. (2011). *An introduction to discourse analysis, theory and method*. (3rd Ed.). NewYork: Routledge.
- Hartono, Seregig, I.K., & Wibowo, B. (2021). Strategies in Countering Hoax and Hate Speech in Indonesia. *Sociological Jurisprudence Journal*, 4(2), 134–144. <https://doi.org/10.22225/scj.4.2.2021.134-144>.
- Jäske, M., Sormunen, H., Schauman, J., Weckman, A., Rapeli, L., & Sirén, R. (2021). *Citizens' Panel on the Freedom of Expression: Recommendations for measures to be taken in Finland to protect people in public professions from hate speech and to safeguard free expression*

- of opinion*. Retrieved from https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/162966/Citizens_Panel_on_the_Freedom_of_Expression-Final_Report.pdf?sequence=1&isAllowed=y
- Johnson, M.N.P., & McLean, E. (2020). Discourse Analysis. In A. Kobayashi (Ed.), *International Encyclopedia of Human Geography* (pp. 377-383). Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102295-5.10814-5>
- Klein, G.B. (2018). Applied Linguistics to Identify and Contrast Racist 'Hate Speech': Cases from the English and Italian Language. *Applied Linguistics Research Journal*, 2(3), 1-16.
- Miškolci, Kováčová, L., & Rigová, E. (2020). Countering Hate Speech on Facebook: The Case of the Roma Minority in Slovakia. *Social Science Computer Review*, 38(2), 128-146. <https://doi.org/10.1177/0894439318791786>
- Noriega, C., & Iribarren, F.J. (2011). Quantifying Hate Speech on Commercial Talk Radio. *A Pilot Study. CSRC Working Papers*. November, (1).
- Obiora, H.C., Aboh, S.C., & Dioka, B.O. (2021). Critical Discourse Analysis of Selected Nigerian Political Hate Speeches. *Journal of Language Teaching and Research*, 12(3), 494-500.
- Pálmadóttir, J.A., & Kalenikova, I. (2018). Hate speech: An overview and recommendations for combating it. *Icelandic Human Rights Centre*, 1-27.
- Parekh, B. (2006). Hate speech: Is there a case for banning? *Public Policy Research*, 12(4), 213-223. <https://doi.org/10.1111/j.1070-3535.2005.00405.x>
- Смагулова, Ж., Кучербаева, Д., Жумырова, А. (2017). Дискурсивное конструирование языковой идентичности в медиа: анализ языка вражды в казахстанской блогосфере. *Мониторинг языка вражды* (сост. Банников, П.). Алматы: MediaNet.
- Tripathi, R.C., Singh, P., SpringerLink, & LINK. (2016). *Perspectives on Violence and Othering in India* (1st ed. 2016.). New Delhi: Springer India: Imprint: Springer.
- Tsesis, A. (2002), *Destructive Messages: How Hate Speech Paves the Way for Harmful Social Movements*, New York University Press, New York.
- Udanor, & Anyanwu, C.C. (2019). Combating the challenges of social media hate speech in a polarized society. *Data Technologies and Applications*, 53(4), 501-527. <https://doi.org/10.1108/DTA-01-2019-0007>.

- Van Dijk, T.A. (Ed.). (1997). *Discourse as structure and process* (Vol. 1). Sage.
- Vollhardt et al. (2006). Deconstructing Hate Speech in the DRC: A Psychological Media Sensitization Campaign. *Journal of Hate Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 15-35.
- Watanabe, H., Bouazizi, M., & Ohtsuki, T. (2018). Hate speech on twitter: A pragmatic approach to collect hateful and offensive expressions and perform hate speech detection. *IEEE access*, 6, 13825-13835.

Оразай Кыдырбаев

**Дискурс «пещерный
национализм» как язык
вражды: критический
дискурс-анализ
комментариев
в Facebook и Instagram»**

В 2021 году 12 августа в программе Kazinform «Открытый диалог-2.0» выступил с заявлением первый заместитель руководителя Администрации Президента РК Даурен Абаев¹. Ответ Абаева на вопрос журналиста о положении русского языка в Казахстане и реакции российских депутатов на «языковые рейды» вызвал широкое обсуждение в обществе.

Незадолго до этого резонанс как в Казахстане, так и в России вызвали действия участников движения Tіl Maidanу, инициированного Куатом Ахметовым. Активисты движения устраивали так называемые языковые рейды: заходили в магазины и государственные учреждения, проверяя уровень знания казахского языка продавцов, требуя, чтобы их обслужили на казахском языке. Все рейды записывались на видео и были выложены в YouTube.

Абаев назвал действия участников «языковых рейдов», которые позиционируют себя «языковыми патрулями» и сторонниками казахского языка, проявлением «пещерного национализма». Чиновник отметил, что такие прецеденты недопустимы и возмутительны, поэтому правоохранительные органы дадут им справедливую правовую оценку.

Абаев в своем заявлении не называл конкретные имена. Но пользователи Казнета сразу же решили, что речь идет о движении Tіl Maidanу. Спустя некоторое время было возбуждено дело по факту разжигания межнациональной розни. Вскоре инициатор «языковых рейдов» Куат Ахметов покинул страну².

В итоге соответствующий канал на YouTube был заблокирован по жалобам пользователей. Высказывание же «пещерный национализм» стало главной темой дня и бурно обсуждалось в Сети. Заявление политика затронуло вечно актуальные проблемы, такие как языковые вопросы, национальная безопасность, постколониализм, национальная идентичность и т. д.

В данном исследовании рассмотрены:

- контекст ставшей почти нарицательной фразы Абаева «пещерный национализм»;
- публикации 20 лидеров мнений (10 авторов на казахском языке, 10 авторов на русском языке) в Facebook и Instagram

касательно высказывания Абаева, а также комментарии пользователей под постами/публикациями;

- 10 популярных онлайн-изданий (с большим количеством читателей и активной аудиторией) и 10 Instagram-пабликов (по 5 страниц на казахском и русском языках). При анализе контента использован метод критического дискурс-анализа.

Метод критического дискурс-анализа позволяет рассматривать проблемы языка вражды, дискриминации и злоупотребления властью. Согласно Хабермасу, критическая наука должна быть саморефлексивной, то есть рефлексировать интересы, на которых основана, и принимать во внимание исторические контексты взаимодействия. С помощью рационального дискурса идеологически «загрязненный» дискурс можно преодолеть и приблизиться к идеальной речевой ситуации (*ideal speech situation*). Концепт идеальной речевой ситуации Хабермаса – это утопическое представление об интеракции или отношениях власти³.

В критическом анализе отношения власти рассматриваются как те, что имеют непосредственное отношение к дискурсу. Таким образом, критический дискурс-анализ исследует власть в дискурсе и власть над дискурсом. По рассуждениям Фэркло, дискурс – это «использование языка как социальная практика»⁴.

Критический дискурс-анализ определяет, как появляются социальное неравенство и несправедливость в результате злоупотребления властью и доминирования. Ван Дейк называет «злоупотреблением властью» те действия власти, которые причиняют людям вред и приводят к социальному неравенству в повседневной жизни⁵. Исходя из этого рассуждения, мы можем рассматривать язык вражды и с точки зрения злоупотребления властью. Так как с использованием языка вражды определенные группы подвергаются дискриминации, в результате чего появляются социальное неравенство и несправедливость.

Французский философ, постструктуралист Ролан Барт пишет о том, что после рождения текста его автор «умирает», а текст начинает жить в сознании каждого читателя⁶. Суть этой концепции заключается в том, что благодаря читателю текст «оживляется» и в дальнейшем каждый читатель может по-своему интерпретировать любое произведение. Таким образом, в триаде «автор – текст – читатель» главную роль получает не автор, а читатель.

Идеи Барта значительно повлияли на группу исследователей из «Бирменгемской школы». В особенности заслуживает внимания теория рецепции, сформулированная британским социологом Стюартом Холлом. Согласно этой теории, идеологические принципы и взгляды автора в каждом сообщении сначала кодируются, а после этого отправляются читателю. Но когда читатель получает сообщение, воспринимает и интерпретирует его по-разному в зависимости от личных взглядов, личного опыта, кругозора и в целом экономического статуса⁷.

В рамках данного исследования, руководствуясь этой теорией, можно предположить, что высказывание Даурена Абаева было по-разному воспринято аудиторией. В этой работе проанализируем, какую реакцию вызвало его заявление у общественности. Но в первую очередь нам нужно глубже изучить выражение «пещерный национализм».

«Пещерный национализм» как политическая метафора и оскорбительная риторика

Выражение «пещерный национализм» можно рассмотреть в дискурсе «политическая метафора» и «ксенофобская риторика». Сначала рассмотрим первое.

Политические метафоры – это различные метафорические выражения политиков в устной или письменной речи, а также различные литературные методы, придающие тексту выразительность и смысл. То есть здесь политическая метафора – это не только художественная метафора, а все виды тропа в теории литературы в целом.

Несомненно, выражение «пещерный национализм», которое использовал Абаев, является политической метафорой. Потому что политик использовал эту риторическую фигуру в переносном смысле, не в значении конкретного географического объекта, а ссылаясь на значения, которые ассоциируются с описанием пещеры.

Использование метафор нередко оказывается для политического лидера удачным способом «выразить многое, сказав немного»,

тонко влиять на настроения в обществе, представлять обществу новые идеи и одновременно вызывать интерес к своим выражениям⁸. Политическая метафора используется не только для создания выразительности, она отражает общественное настроение, идеологические взгляды политика, его отношение к людям, кого он считает сторонником или врагом⁹.

Слова Даурена Абаева о «пещерном национализме» прозвучали на фоне заявлений российских СМИ о нарушении прав русскоязычных людей в Казахстане и о том, что правительство Казахстана не предпринимает никаких действий против данных правонарушений. Иными словами, эту фразу можно интерпретировать не как содержательную речь и слова, обращенные к казахстанской аудитории, а как ответ на критическое мнение и реакцию российских властей.

Учитывая цель вышеупомянутой политической метафоры, словосочетание «пещерный национализм» было употреблено в интересах политика. Фраза многим запомнилась, широко обсуждалась общественностью. Самое главное, это заявление прозвучало как позиция казахстанских властей в отношении языковых активистов и публичный ответ властям России.

Есть ли в словах Даурена Абаева оскорбительный дискурс? Да, фраза «пещерный национализм» относится к оскорбительной риторике. Также есть основания полагать, что это словосочетание имеет враждебный тон. Для этого необходимо обратить внимание на значение слова «пещера». Разумеется, Даурен Абаев не использовал слово «пещера» для обозначения конкретного географического объекта, который означает «впадина в земле или в складках гор», а, скорее всего, передавал различные значения, которые проявляются в описаниях этого объекта. С помощью этих переменных значений осуществляется попытка создать образы объектов, не имеющих прямого отношения к пещере (в нашем случае – языковые активисты). Люди, использующие понятие «пещера» как метафору, обычно ссылаются на следующие ее характеристики:

- **Пещера – это темное место** (а тьма во всех культурах является символом невежества, необразованности и зла). Таким образом, выходит, что люди в пещере – невежественные люди.

- *Из пещеры не видно полной картины внешнего мира* (невозможно увидеть полную картину внешнего мира из маленького отверстия пещеры, из устья пещеры видно только узкое пространство перед пещерой). Точно так же люди ограничены в своей способности оценивать мировые события из-за ограниченных знаний и опыта. Об этом упоминалось в трудах мыслителей Платона¹⁰, Фрэнсиса Бэкона¹¹. Таким образом, понятие «пещера» использовалось в философии как инструмент для объяснения разницы между истиной и ложью, причин, по которым люди не достигают истины. А это значит, что пещерные люди – это люди с ограниченными знаниями, которые считают свое мнение единственно правильным.
- Пещера является домом для древних людей, которые считаются представителями первобытной культуры. Это значит, что люди в пещере являются представителями низшей культуры, отчасти даже являются существами, которые еще не созрели как сознательные люди. «Азаттык радиосы» в своем первом сообщении на казахском языке касательно заявления Даурена Абаева охарактеризовало фразу «пещерный национализм» как «дикий национализм»¹². Вероятно, это свидетельство того, что термин «пещера» используется в массовой культуре для обозначения «дикости».

Все вышеперечисленные значения слова «пещера» негативны. Поэтому можно заметить, что Даурен Абаев, употребляя словосочетание «пещерный национализм», негативно оценивает действия организаторов «языкового рейда» и пытается создать их отрицательный образ.

Критические дискурсивные исследования предполагают, что дезинформация (манипуляция, фрейминг и мн. др.) является признаком злоупотребления властью в медиа¹³. Высказывания Даурена Абаева о языковых активистах односторонни и однобоки.

Например, он не отметил, что языковая политика, проводимая государством, не дала результатов, и что миллиарды, выделенные на развитие государственного языка, потрачены впустую, а также скрыл, что поручение, которое дал экс-президент Н. Назарбаев в своем послании в 2011 году о том, что «к 2020 году доля казахстанцев, владеющих государственным языком, должна составить 95%¹⁴», не было выполнено.

Мы не говорим, что действия движения Til Maidanu были правильными или что граждане, подвергшиеся критике со стороны языковых активистов и не имеющие возможности обслуживать потребителей на казахском языке, не должны знать казахский язык. Вместо этого мы хотим указать на то, что правительство несет ответственность за то, что не реализовало языковую политику в правильном направлении, и, как результат, это вызвало спорный вопрос, вызывающий беспокойство у соседнего государства.

Мы критикуем слова политической элиты и лидеров общественного мнения и глубоко не рассматриваем высказывания языковых активистов. Потому что наша главная цель – показать, как создаются дискурсы власти и как дискурсы элиты способствуют распространению языка вражды.

Видео движения Til Maidanu на YouTube были заблокированы и недоступны для нас на момент исследования. Таким образом, анализировать это было для нас невозможным. Однако мы не должны забывать, что раз мы не изучали действия и слова активистов движения Til Maidanu, это не означает, что опубликованный ими контент не содержал враждебных высказываний.

Восприятие и воспроизведение риторики ненависти

В следующей части нашего исследования рассмотрим, как было воспринято аудиторией и какую реакцию вызвало заявление Абаева, а также впоследствии какую риторику ненависти оно породило. Безусловно, в рамках одного исследования невозможно охватить казахстанское медиапространство целиком. Нами были отобраны известные пользователи казахстанского Facebook-сообщества (10 казахоязычных, 10 русскоязычных), популярные паблики в Instagram, которые активно освещают новости страны (5 на казахском, 5 на русском), а также онлайн-издания с наибольшим количеством читателей (5 на казахском, 5 на русском).

Был проведен детальный анализ публикаций лидеров мнений, страниц и онлайн-изданий в период с августа по сентябрь 2021 года на темы: заявление Даурена Абаева, «языковые рейды», а

также реакция и давление со стороны российских политиков и медиа. Комментарии и реакции пользователей под публикациями также являются объектами исследования.

В ходе мониторинга было собрано 36 публикаций (из них 19 на казахском языке, 17 на русском), авторами которых являются объекты нашего исследования. Из этих публикаций:

- 17 постов написаны авторами сети Facebook (9 на казахском, 8 на русском);
- 12 новостей на веб-сайте (10 на казахском, 2 на русском);
- 7 постов в популярных новостных пабликах в Instagram (все на русском языке).

Был изучен контент на предмет наличия любых форм языка вражды. Было зафиксировано большое количество комментариев, направленных на авторов постов, непосредственно на Даурена Абаева, активиста Куата Ахметова и российских журналистов.

Тем не менее для того, чтобы более точно определить рамки исследования, мы взяли за основу риторику, направленную на возбуждение ненависти и вражды на группу людей и сообщества по национальным, этническим, религиозным признакам.

В основном большинство комментариев с языком вражды встречается в сети Instagram. Можно сказать, что онлайн-издания не использовали риторику ненависти. Однако в материалах Abai.kz (всего 9 материалов) есть слова, которые возбуждают ненависть и вызывают негативные эмоции в отношении российских и казахстанских политиков¹⁵.

Например, «Российская Дума снова бушует», «разговаривают на чужом языке на своей земле»). В статье 365info.kz автор называет Ахметова «хайпожором» и «нациком»¹⁶.

В целом можно отметить, что по сравнению с другими межнациональными конфликтами (например, кордайские события), в данном кейсе язык вражды использовался реже. А также в период

проведения мониторинга лидеры мнений и паблики не освещали эту тему, 9 авторов, 4 паблика и 6 информационных порталов проигнорировали данную тему. Мы предполагаем, что это, возможно, вызвано следующими причинами:

- в конфликтах с участием активистов не были зафиксированы факты причинения физического вреда. То есть конфликты происходили без травм, что, возможно, повлияло на тональность дискуссии и на то, что дискуссия проходила в «мягкой» форме;
- так как языковые проблемы являются актуальной, острой и сложной темой в публичной повестке, есть вероятность того, что авторы намеренно избегают этой темы. В дискуссиях на темы языка почти невозможно придерживаться нейтральной позиции. Высказывая свою точку зрения, есть риск стать сторонником позиции или группы, тем самым задев оппонентов;
- на фоне этих событий было заметно мощное давление со стороны российских политиков и медиа. Возможно, казахстанские издания и авторы не подливали масла в огонь, чтобы не усилить агрессию, и воздержались от освещения.

В ходе исследования не удалось определить точный объем языка вражды, так как либо появляются новые публикации и комментарии, либо авторы удаляют свои посты. Например, 2 публикации Дины Елгезек, которые были зафиксированы мониторами, стали недоступными в момент написания статьи. Дина в своем посте писала о том, что в нашей стране представители разных этносов вошли в список Forbes и спокойно работают в структурах власти. А также автор отметила, что в Казахстане нет дискриминации по этническим признакам и Ассамблея народа Казахстана существует за счет казахов.

В заключение Дина высказалась по поводу фразы «пещерный национализм». Этот пост собрал 2000 комментариев, 7,6 тыс. лайков и 1,4 тыс. перепостов. Позже Дина Елгезек объяснила нам ситуацию с удалением поста тем, что увеличилось количество негативных комментариев, направленных на Даурена Абаева, и о том, что это был вынужденный ответ политика на реакцию Кремля.

Кейс «языковых рейдов» происходил не просто в рамках языковых проблем. Это был, скорее, идейный конфликт между группой, требующей обслуживания только на казахском языке, и второй группой, которая считает действия таких активистов разжиганием национальной розни. На фоне этих событий было произведено множество агрессивных дискурсов. Их можно сгруппировать в четыре разные группы:

1. Дискурсы «Мәңгүрт» и «орысқұл»

Данная риторика существует много лет и направлена на политическую власть Казахстана. Иногда используется, когда речь идет о гражданах Казахстана, дети которых учатся в русских школах, и этнических казахах, которые не владеют родным языком. Этот дискурс особенно часто встречается в постах, где критикуется заявление Даурена Абаева. Пользователи социальных медиа обвинили казахстанскую власть в трусости и предательстве, используя такие слова, как «қорқақ» («трус»), «сатқын» («предатель»), «орысқұл», «мәңгүрт» («манкурт»), «кәнден ит» и т. д. А также писали комментарии о необходимости нанесения физического вреда: «қамшымен сабау» («хлестать кнутом»), «елден қуып шығу» («выгнать из страны»), «орыс тілінде сөйлейтін парламентті қуу» («разогнать русскоязычный парламент»).

2. Дискурс «Рашист» и «шовинист»

Оскорбительные дискурсы и риторика ненависти в данном направлении направляются российским медиа и политикам. Зачастую эти выражения встречаются в ответах на комментарии под постами, где говорится о том, что Россия критикует действия «языковых патрулей». В подобных постах россиян и российскую политическую элиту описывают словами «рашист» (*Russia+fascist*), «шовинист», «фашист», «шошқа» («свинья»), а Владимира Путина называют «Путлером».

Часто встречаются комментарии, где авторы желают, чтобы российские политики «исчезли», «замолчали». Так, под постами Жанболата Мамаева и Айгуль Орынбек очень много подобных комментариев. Что касается медиа, на сайте Abai.kz встречалась антироссийская риторика, но при этом не был зафиксирован язык вражды в открытой форме.

3. «Мамбет», «нацик» и «хайпожор»

К сожалению, выражения «мамбет» и «нацист» (часто используется в сокращенной форме «нацик») давно употребляются в казахстанском обществе. Иногда такие слова используются в отношении этнических казахов, которые родились и выросли в традиционной казахской среде и жили в селах. Также данными выражениями называют тех, кто агрессивно требует, чтобы их обслужили на государственном языке, при этом снимая происходящее на видео. На фоне заявлений о «пещерном национализме» таким людям присвоили еще одно определение: «хайпожоры».

На это повлиял очередной пост Даурена Абаева о том, что он против тех людей, кто старается решить проблемы с помощью хайпа и лайков¹⁷. В контексте этого заявления стало заметно, что чиновник оценивает действия активистов как дешевый популизм.

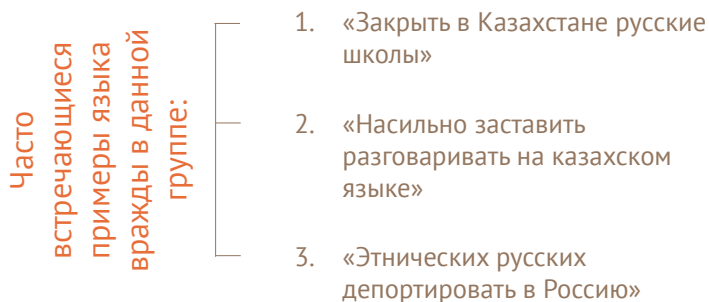
Безусловно, само слово «хайпожоры» не является языком вражды, но этого дискурса было достаточно для создания негативного образа активистов. Подобные дискурсивные стратегии встречались, например, в публикациях Аиды Жексен¹⁸, русскоязычных пабликах в Instagram и на новостных сайтах. Авторы описывают активистов провокаторами, и слова, которые объясняют их действия, взяты в кавычки («»)¹⁹. Кавычки используются для отдельных слов, но не в своем обычном значении, а в ироническом смысле. В результате читатель может неправильно понять суть текста. В итоге в Instagram было очень много риторики ненависти к активистам.

Например, *«Приехали из Монголии или Узбекистана, работать не хотят и начинают «контент» создавать», «Я не защищаю тех ублюдков неадекватных, которые многое чего позволяют...»* и т. д.

Были комментарии, где говорилось о внешнем сходстве Куата Ахметова с индейцами и т. д. Таким образом, на фоне этих конфликтов появилась другая риторика ненависти. Однако поток языка вражды, направленный на языковых активистов, в основном был в «легкой» форме и в меньших объемах по сравнению с риторикой вражды в других группах.

4. «Ватники», «пятая колонна», «келімсектер» («пришельцы»)

Ощутимая волна языка вражды коснулась местных русских и других этносов. Их обзывали «ватниками», «пятой колонной», «пришельцами», «колонизаторами» и т. д. Было зафиксировано большое количество комментариев с призывами к насильственным действиям.

Таким образом, языковые проблемы перешли на межнациональные проблемы, а представители этнических меньшинств стали объектами языка вражды.

Материал о вводе иностранных военных в Казахстан для «наведения порядка»²⁰, который появился на сайте газеты «Караван» и сразу же был удален, а также комментарий российского блогера Ильи Варламова²¹ собрали множество негативных комментариев («орыстарды ұнатпаймын» («не нравятся русские»), «орыстар мен үшін екінші сорт» («для меня русские второсортные»), «осыған дейін бір де бір жақсы орыс көрмедім» («никогда не встречал ни одного хорошего русского»)).

Как известно, российский урбанист и общественник Илья Варламов не остался в стороне от темы. «Я лично нациков не люблю. Ни киргизских, ни казахских, ни русских. И, конечно, я бы хотел, чтобы русские люди везде чувствовали себя в безопасности, и чтобы ни одна гадина не высказывала им за то, что они говорят на русском языке. Но также я бы хотел, чтобы и киргизы, и узбеки, и казахи чувствовали себя в России так же комфортно, как мы хотим, чтобы они относились к русским у себя на родине. Потому что когда чувак приезжает в Россию из Средней Азии, к нему уже на паспортном контроле в аэропорту относятся как к чело-

веку второго сорта. Русские погранцы демонстративно «тыкают», повышают голос, хамят. Для них они «чурки» – написал блогер в своем Telegram-канале. Казалось бы, пост Ильи несет позитивный посыл, но это не ослабило волну негативных комментариев, направленных на россиян и местных русских.

Итоги и рекомендации

Один из важных современных философов Юрген Хабермас следующим образом описал быстрое развитие информационных технологий и тот факт, что темпы развития новых медиа не успевают за темпами человеческого обучения по их правильному и этичному использованию:

«Потребовались века, чтобы создать издание, которое сможет сделать каждого своим потенциальным читателем и взрастить до такого уровня, чтобы весь народ читал его. А всего за несколько десятилетий интернет сделал всех нас потенциальными авторами»²².

Социальные сети привели к поляризации общества, широкому распространению фейков, теорий заговора и языка вражды (hate speech). Тем самым эти вопросы стали предметом исследований и «головной болью» для социологов и исследователей СМИ. Одним из негативных последствий языка вражды является то, что в ответ на риторику ненависти возникает ответная риторика ненависти.

Таким образом, когда язык вражды распространяется, он не исчезает бесследно, а наоборот, распространяет риторику ненависти и продолжает жить в информационном пространстве. Вероятно, пример фразы Даурена Абаева «пещерный национализм» это подтверждает.

Усиление политической поляризации в обществе, информационный вакуум (например, алгоритмы социальных сетей сегментируют те темы, которые нравятся пользователю) характерны для эпохи постправды²³. В ходе исследования темы «языковых рейдов» мы стали свидетелями того, как аудитория разделилась на

несколько групп, распространяя риторику ненависти, адресованной противоположной стороне. В такой ситуации СМИ и личности, формирующие информационную повестку, представители политической элиты должны заниматься объединением аудитории, а не ее разделением.

Рекомендации для власти Казахстана и политиков

1. Заниматься объединением аудитории, а не ее разделением

На протяжении долгих лет власти Казахстана предлагали казахоязычной и русскоязычной аудиториям страны два разных дискурса, произносили слова, которые нравились каждой из сторон и которые были оценены обеими сторонами по-своему.

Например, казахоязычной аудитории объяснили важность государственного языка, русскоязычной аудитории предложили роль официального языка. Такой подход хоть и обеспечивает стабильность в краткосрочной перспективе, в долгосрочной перспективе он может нанести вред²⁴.

Такой подход не устраняет поляризацию в обществе, а наоборот, усиливает ее. В ситуации, которую мы исследовали, политические власти передали два разных сообщения на двух языках: интервью Даурена Абаева, в котором осуждаются языковые активисты, было опубликовано на русском языке, следом он опубликовал пост в поддержку развития государственного языка на казахском языке. Соответственно, казахстанской политической власти следует искать пути, чтобы ответить на вопросы обеих сторон на общем и мирном языке, при этом не скрывая проблем и не пытаясь угодить обеим сторонам.

2. Делать заявления с осторожностью и употреблять слова, не унижающие других

Теун ван Дейк отмечает, что элита в обществе (включая политическую элиту) играет важную роль в производстве ксенофобской риторики. Это не означает, что элита склонна к ксенофобии или

вражде, а, скорее, то, что у элиты есть особые преимущества. Каждое слово представителей элиты сразу привлекает внимание СМИ.

А медиа более доступны для элиты, чем для обычных граждан, они могут донести идею через пресс-конференции, ток-шоу, интервью и таким образом контролировать производство информации²⁵. Политики и знаменитости из Казахстана и России играют важную роль в производстве и распространении дискурса.

Заявления российских политиков, а также ответ казахстанских властей через Даурена Абаева вызвали сильное возмущение в обществе и враждебность по отношению к государственным чиновникам, русскоязычным гражданам и этническим русским.

Таким образом, риторика ненависти политиков привела к появлению других примеров риторики ненависти. Поэтому политикам и людям, имеющим влияние в медиапространстве, следует быть очень осторожными в своих высказываниях. Маленькая риторика ненависти таких людей может превратиться в масштабный язык вражды.

Рекомендации для производителей информации и аудитории

Под производителями информации мы подразумеваем всех пользователей социальных сетей, особенно известных авторов, лидеров мнений, журналистов и администраторов пабликов.

- 1. Никогда не использовать язык вражды.*
- 2. В публикуемой информации предотвратить формирование стереотипов и языка вражды, побуждать читателя к мирному обмену мнениями.*
- 3. Модерировать комментарии под постами, исключить язык вражды.*
- 4. Помнить, что политики и авторы преследуют разные интересы, критически оценивать их заявления.*

5. В случае обнаружения языка вражды подать жалобу, разъяснить аудитории такое решение.

В нашем исследовании мы обнаружили, что меры по борьбе с языком вражды были слабыми. Многие авторы практически не предпринимали ничего по отношению к языку вражды в комментариях, не модерировали свои страницы. Таким образом, некоторые сравнительно мирные посты могут собрать агрессивные и оскорбительные комментарии. Это может означать, что авторы либо не осознают ответственности перед обществом, либо не знают, что такое язык вражды. В худшем случае, возможно, авторы поддерживают язык вражды.

Ненависть и стереотипы – это экстремальные формы мышления, которые могут привести к преступлениям на почве ненависти (hate crimes), а социальный и политический дискурс может обесценить членов группы²⁶. То есть если рассматривать язык вражды как стереотипное мнение об определенных группах общества и распространение этих стереотипов, то он, скорее всего, закончится преступлением, основанным на ненависти.

Следовательно, мы должны бороться с любой формой языка вражды (даже на уровне самого слабого дискурса) и очищать язык и коммуникации от дискурсов, ведущих к социальной нестабильности и несправедливости.

Список литературы

- 1 <https://youtu.be/l2cjhEmiv4>
- 2 <https://www.azattyq.org/a/31436498.html>
- 3 Тичер, С., Мейер, М., Водак, Р., & Веттер, Е. (2009). Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 5. 196.
- 4 Тичер, С., Мейер, М., Водак, Р., & Веттер, Е. (2009). Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 5. 198.
- 5 ван Дейк, Т. (2013). Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. 36.
- 6 Barthes, R. (2001). The death of the author. Contributions in Philosophy, 83, 3-8 с.

- ⁷ Hall, S. (2001). Encoding/decoding. *Media and cultural studies: Key-works*, 2.
- ⁸ Будаев, Э.В., & Чудинов, А.П. (2006). Метафора в политическом интердискурсе. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Уральский государственный педагогический университет. 5.
- ⁹ Будаев, Э.В., & Чудинов, А.П. (2006). Метафора в политическом интердискурсе. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Уральский государственный педагогический университет. 93.
- ¹⁰ Государство / Платон [пер. с древнегр. А. Н. Егунова]. Москва, Издательство АСТ (2018), 283-287.
- ¹¹ Спирина Э.М. Идолы сознания на пути к пониманию. *Знание. Понимание. Умение* 1 (2006).
- ¹² <https://www.azattyq.org/a/31408307.html>
- ¹³ ван Дейк, Т. (2013). Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. 36.
- ¹⁴ <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1100002011>
- ¹⁵ <https://abai.kz/post/137828>
- ¹⁶ <https://365info.kz/2021/08/fejki-ot-lenty-ru-kak-rossiyan-pugayut-kazahstanom>
- ¹⁷ https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1325814267837295&id=100012262025729
- ¹⁸ <https://www.facebook.com/aida.jexen/posts/4143854982377864>
- ¹⁹ https://www.instagram.com/p/CTZVAs-AT0g/?utm_source=ig_web_copy_link
- ²⁰ <https://www.facebook.com/murataben/posts/10222919766437591>
- ²¹ https://www.instagram.com/p/CSgjsblltcp/?utm_source=ig_web_copy_link
- ²² https://english.elpais.com/elpais/2018/05/07/inenglish/1525683618_145760.html
- ²³ Lewandowsky, S., Ecker, U.K., & Cook, J. (2017). Beyond misinformation: Understanding and coping with the “post-truth” era. *Journal of applied research in memory and cognition*, 6(4), 353-369.

- ²⁴ Kudaibergenova, D.T. (2019). Compartmentalized Ideology: Presidential Addresses and Legitimation in Kazakhstan. In *Theorizing Central Asian Politics* (pp. 145-166). Palgrave Macmillan, Cham.
- ²⁵ ван Дейк, Т. (2013). Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. 134.
- ²⁶ <https://www.apa.org/advocacy/interpersonal-violence/hate-crimes>

Заключение

Язык вражды (hate speech) был и есть в любом обществе, в любой стране. Люди постоянно объединяются на основе интересов, убеждений и ценностей. А также против кого-либо или чего-либо. И, наоборот, разъединяются, если эти интересы или убеждения вступают в противоречия.

Современное время часто небезосновательно называется эпохой постправды, когда информационный поток конструируется, сегментируется и воспринимается вне зависимости от достоверности и фактов, но под воздействием убеждений и эмоций аудитории. Из-за этого фейки и другая дезинформация становятся эффективным инструментом для манипулирования общественным мнением.

И хотя Юваль Ной Харари и другие исследователи уверены, что человечество всегда жило в условиях постправды, так как всегда подвержено мифам, можно констатировать, что именно в условиях доминирования соцсетей и мессенджеров производство любого массового информационного контента, в том числе дезинформации, стало максимально доступным.

Кроме того, как известно, именно алгоритмы соцсетей усилили поляризацию в обществе, так как формируют контент соответственно интересам. Однако винить соцсети и мессенджеры в росте поляризации в обществе совершенно неуместно. Во-первых, такие явления, как ксенофобия, язык вражды, дезинформация, буллинг и мошенничество были, действительно, всегда. Во-вторых, в мире есть страны, где рост этих явлений крайне мал, хотя соцсети и мессенджеры есть везде.

Очевидно, что главными причинами вспышек эскалации языка вражды являются в большей степени социально-экономические, а также правовой нигилизм, низкий уровень грамотности, в том числе медийной, коррупция, неадекватная реакция властей (реактивность, замалчивание проблем и др.), неэффективность государственных институтов, образовательной системы и т.д.

Чтобы проанализировать резонансные кейсы, связанные с межэтническими конфликтами (кордайские события и «языковые рейды») Международный центр журналистики MediaNet провел мониторинг социальных сетей на предмет восприятия аудиторией этих событий. Полученные результаты были предоставлены четырем различным группам исследователей, экспертов в различных сферах.

В итоге эксперты попытались проанализировать и интерпретировать результаты мониторинга – дискурс вражды в постах инфлюенсеров, публикациях в СМИ и комментариях пользователей, в которых содержался язык вражды.

Три статьи посвящены разбору hate speech вокруг крайне трагического в современной истории Казахстана события – так называемых кордайских событий. Одна статья – тоже вызвавшему широкий и даже международный резонанс кейсу – «языковым рейдам».

Аналитики пришли к разнообразным выводам и предложили, со своей стороны, ряд рекомендаций, которые могут быть полезны государственным органам для выработки решений проблемы эскалации языка вражды и, что особенно важно, предупреждения межэтнических конфликтов в Казахстане.

Одной из важных, чрезвычайно опасных тенденций эксперты называют оправдание насилия. Это оправдание формулировалось, как указывают Серик Бейсембаев и Дамеш Сатова, часто через обвинение самих жертв насилия, как акт возмездия, через героизацию участников погромов.

Кстати, данный момент был одним из сложных в мониторинге. Совершенно безобидные фразы комментаторов типа «Батыры!» или «Красавчики!» в контексте кровавого конфликта приобретают совершенно иной оттенок и вполне могут считаться «жестким» языком вражды, так как не просто оправдывают насилие и даже убийства, а побуждают к этому.

Авторы исследования указали, что в кордайском кейсе имеют место все 5 основных элементов опасной/враждебной риторики, используемой для оправдания насилия:

- Дегуманизация (Dehumanization), или обезчеловечивание.
- Зеркальное обвинение (Accusation in a mirror).
- Сомнение в лояльности членов ин-группы (Questioning in-group loyalty).
- Угроза целостности и чистоте группы (Threat to Group Integrity or Purity).
- Заявления о посягательстве на женщин и детей (Assertion of Attack Against Women and Girls).

Эти риторические техники, по словам авторов, выносят атакуемую группу за рамки морально-нравственных норм, создают в их лице образ опасного врага, а также подавляют голоса тех, кто может выступить против ущемления людей по этническому признаку. Тем самым совершенное или предполагаемое насилие становится рациональным и даже вынужденным действием со стороны тех, кто воспринимает себя одной из сторон конфликта.

Ксения Кряквина отмечает также, что в представлении многих комментаторов «нынешнее функционирование институтов власти является неэффективным, а выходом в данной ситуации они видят установление дискриминационных институтов, которые будут обеспечивать господство «титულიной» этнической группы над остальными».

При этом эксперты видят у части аудитории ярко выраженный скепсис и недоверие к власти, якобы не способной защитить «титულიную» нацию и обеспечить справедливое, на взгляд комментаторов, разбирательство. В связи с этим раздавалось множество призывов к неподчинению властям и самосуду.

«На основании данного скепсиса нередко комментарии несут в себе призыв «навести справедливость» нелегитимными мерами, а также призывами к построению более эксклюзивного общества с четким доминированием прав «титულიной» нации над остальными», заключает Ксения Кряквина.

«Наблюдается тенденция оправдания насильственных и дискриминирующих действий в отношении этнических меньшинств, основанная на сформированном у комментаторов низком уровне

доверия к правительству, неспособному к справедливому наведению порядка», подчеркивает эксперт.

Среди комментариев также можно было заметить активно распространяемые провокационные конспирологические теории и дезинформацию. Так, особенно печально, что одним из источников таких стал депутат мажилиса Бакытбек Смагул, чьи цитаты широко тиражировались в период конфликта.

Цитируя Джонатана Майнарда, авторы подчеркивают очень важный тезис об идеологических основаниях этнически мотивированного насилия: «Острые социальные, экономические и политические противоречия, возможно, и повышают риски нетерпимости между людьми по этническому признаку. Однако важнейшей предпосылкой массового насилия является убежденность людей в допустимости и даже оправданности враждебных и насильственных действий в адрес меньшинств».

Можно отследить, что для постов, которые так или иначе описывают действия правительства в попытке уладить конфликт и наладить диалог между конфликтующими сторонами, характерно наличие комментариев, выражающих скептицизм/цинизм по отношению к способности власти обеспечить справедливость при разрешении конфликта, имеют место обвинения в коррумпированности власти.

Жулдыз Смагулова и Дина Кучербаева отмечают «опасное присутствие разнообразных коммуникативных процессов дискриминации в постах и комментариях о кордайском конфликте». И хотя лидеры мнений, по оценке экспертов, «довольно аккуратны в высказываниях и стараются избегать языка вражды, особенно «жесткого», в них прослеживается процесс поляризации».

«Деструктивные идеологии и дегуманизация становятся «нормой»: слушатели привыкают к дегуманизации и деструктивной идеологии, так как постоянные повторения определенных сообщений в медиа, официальном дискурсе и повседневном общении становятся приемлемыми, нормальной частью повседневной жизни», заключают эксперты.

Авторы исследования напоминают о международном опыте, который показывает, что без поддержки неправительственных, пра-

возащитных организаций государству сложно бороться с языком вражды и иными проявлениями ненависти.

Крайне сложная задача стояла перед Оразаем Кыдырбаевым, который анализировал дискурс вокруг нашумевших «языковых рейдов».

Автор исследовал язык вражды, воспроизведенный с обеих сторон конфликта, в том числе русскоязычного населения и тех, кто осуждал рейды. Приводя в пример вызвавшую активный резонанс фразу заместителя руководителя Администрации Президента Даурена Абаева «пещерный национализм», эксперт подчеркнул, что язык вражды «не исчезает», а порождает новую ответную волну.

Автор отмечает особую ответственность элиты за месседжи, которые произносятся в публичном пространстве, и призывает власти заниматься не разъединением, а объединением общества.

«Казахстанской политической власти следует искать пути, чтобы ответить на вопросы обеих сторон на общем и мирном языке, при этом не скрывая проблем и не пытаясь угодить обеим сторонам», рекомендует эксперт, приводя в пример различие между фразами Абаева, произнесенными для казахоязычной и русскоязычной аудиторий.

Эксперты по-разному видят роль и относятся к такому институту, как Ассамблея народа Казахстана. Кто-то возлагает на нее надежды, кто-то выражает скепсис в ее действенности. Очевидно, что причинами межэтнических конфликтов и противоречий могут быть самые различные причины, в том числе глубинные, системные. Тем не менее мы считаем необходимым повторить часть рекомендаций, которые были высказаны авторами, а также добавить некоторые рекомендации от имени организаторов исследования.

Среди прозвучавших в исследовании очень важных рекомендаций со стороны экспертов выделим несколько:

- Очень важно изучить и пересмотреть устоявшиеся в образовательных институтах практики, ритуалы и мифические знания, которые создают основу для разделения по этническому признаку на «своих» и «чужих».

- Систематический мониторинг и анализ враждебной риторики по этническому признаку, встречающейся в публичном пространстве, должны стать основой для научных и аналитических публикаций, а результаты быть доступными для обсуждения среди граждан и экспертного сообщества. Особенно важно вовлекать в эти дискуссии тех лидеров мнения, которые сами распространяют идеологию вражды по этническому признаку.
- Развивать сеть независимых экспертных организаций, которые мониторят и реагируют на любые проявления ненависти.
- Представители государства, политики, общественные деятели и публичные фигуры должны быстро реагировать на высказывания, содержащие язык вражды и ненависти, публично осуждая их.
- Необходимо разъяснить гражданскую и административную ответственность за использование языка вражды и ненависти, но при этом не умаляя права на свободу выражения мнения.
- Гражданскому обществу создавать проекты для детей и молодежи, которые бы повышали ценность инклюзивности, плюрализма и формировали атмосферу принятия людей по этническому и расовому признаку.
- Переориентировать политику предупреждения этнических конфликтов на работу с нарративами, их деконструкцию и создание альтернативного видения на укрепление гражданской идентичности в Казахстане.
- Проводить опросы, охватывающие представителей различных этнических групп, возрастных категорий и сфер занятости, в ходе которых спрашивать о насущных проблемах населения. Предоставлять отчеты мониторинга местным органам самоуправления для разрешения ситуации и предотвращения конфликтов.

Со своей стороны мы добавим еще несколько рекомендаций:

- Анализ силами независимых экспертов с целью прогнозировать возможность подобных конфликтов (регионы

с компактно проживающими диаспорами), предпосылок, конфликтогенных факторов и выработка соответствующих превентивных решений.

- Обнародование и продвижение четких правил/границ агрессивной лексики, критериев подсудности. Не замалчивать конфликты, а организовывать конструктивное обсуждение и поиск цивилизованных решений.
- Создавать независимые комиссии для расследования подобных конфликтов, чтобы общество видело и понимало прозрачность и справедливость решений.
- Учитывая увеличивающуюся частотность призывов в обществе к дискриминации по этническому или языковому признаку, внедрить в систему образования курс «Медийная и информационная грамотность», который включает разъяснение недопустимости ксенофобии, языка вражды, дискриминации.
- Либо дополнить существующие дисциплины соответствующими главами о ксенофобии и языке вражды, о равноправии всех граждан и, соответственно, о неправом характере требовать привилегий для какого-либо этноса или группы.
- Постоянная адаптация учебной школьной и вузовской программ под существующие и появляющиеся вызовы в сотрудничестве с независимыми аналитическими, социологическими организациями, соответствующими НПО.
- Внедрение селективных курсов в систему образования с приглашением экспертов, которые могли бы помогать интерпретировать и обсуждать соответствующие резонансные события.
- Изучение лучшего зарубежного опыта на предмет поиска решений подобных ситуаций.
- Анализ независимыми организациями государственной информационной политики, ее эффективности, восприятия контента аудиторией.

Завершая, повторим простую, но очень важную мысль, озвученную одним из наших авторов: властям и элите нужно быть максимально ответственными за свои слова и действия и заниматься объединением людей, а не разъединением.

И важно объяснить обществу, что такое язык вражды, что считается языком вражды и почему его нельзя использовать.

Организаторы данного исследования выражают надежду на то, что оно станет полезным инструментом осознания и понимания проблем, которые есть в Казахстане, а также, разумеется, и решения этих проблем.

*Адиль Джалилов, директор
Международного центра
журналистики MediaNet*

Методика проведенного мониторинга в рамках исследования

В рамках исследования были выбраны Facebook, Instagram, а также новостные сайты. Выбор был обусловлен наибольшей активностью комментаторов при освещении социальных и политических тем. Кроме того, вышеуказанные социальные сети в гораздо меньшей степени допускают к комментированию ботов по сравнению, к примеру, с YouTube.

При отборе для мониторинга конкретных лидеров мнений и инфлюенсеров, а также страниц нами учитывались: предполагаемая активность этих персон в освещении социальных и политических, а также чувствительных тем, число и активность подписчиков и комментаторов. Ряд лидеров мнений, которые предварительно были отобраны для мониторинга, были исключены из списка по различным причинам, включая отсутствие или малое количество комментариев с предполагаемым языком вражды.

С учетом этих критериев были составлены несколько списков по каждой группе медиамониторинга – лидеры мнений, новостные Instagram-страницы, онлайн-СМИ. Так как мониторинг проводился в русскоязычном и казахоязычном сегментах медиа, для мониторинга были составлены два списка. В первый вошли лидеры мнений, новостные Instagram-страницы и онлайн-СМИ, пишущие преимущественно на русском языке, а во второй – на казахском. Некоторые лидеры мнений создавали публикации как на русском, так и на казахском языках, поэтому они упоминаются в соответствующих списках дважды. Каждый список представлен в алфавитном порядке.

Лидеры мнений (русскоязычный сегмент медиа):

1. Мурат Абенов
2. Гульнар Бажкенова
3. Аида Джексен
4. Жанна Ильичева

5. Маргулан Сейсембай
6. Мұхтар Тайжан
7. Газиз Тортбаев
8. Айжан Хамит
9. Арман Шораев

Лидеры мнений (казахоязычный сегмент медиа):

1. Дәурен Абаев
2. Серік Абас-Шах
3. Серікжан Біләш
4. Дина Елгезек
5. Қайрат Жолдыбайұлы
6. Балғынбек Имаш
7. Жанболат Мамай
8. Айгүл Орынбек
9. Мұхамеджан Тазабек
10. Мұхтар Тайжан

**Новостные инстаграм-страницы
(русскоязычный сегмент медиа):**

1. @holanewskz megapolis.kz
2. @informburo.kz
3. @kazakh_inform
4. @megapolis.kz
5. @ztb_kz

**Новостные инстаграм-страницы
(казахоязычный сегмент медиа):**

1. @kaz.nurkz
2. @kris_p_brothers
3. @Namys_official
4. @saebiz_banda
5. @Ztb_kz

Онлайн-СМИ (русскоязычный сегмент медиа):

1. 365info.kz
2. Nur.kz
3. Rus.Azattyq-Rýhy.kz
4. Tengrinews.kz
5. Zakon.kz

Онлайн-СМИ (казахоязычный сегмент медиа):

1. Abai.kz
2. Alashainasy.kz
3. Nur.kz
4. Stan.kz
5. Qamshy.kz

Мониторинг языка вражды в постах лидеров мнений и комментариях к ним на Facebook проводился вручную. По ключевым словам (см. раздел «Список ключевых слов для мониторинга») отслеживались открытые посты и открытые комментарии лидеров мнений, а также комментарии других пользователей к открытым публикациям лидеров мнений. Каждая публикация с предполагаемым языком вражды (в самой публикации либо в комментариях других пользователей) была включена в промежуточный отчет, который был предоставлен для анализа специалистам (филологам и социологам). Помимо текста и ссылки на публикацию, отчет включал такие показатели, как:

- A. Общее количество комментариев.
- B. Количество комментариев с языком вражды.
- C. До трех комментариев с языком вражды, которые получили наибольшее количество реакций (эмоджи либо лайк в реакциях к комментарию).
- D. До трех комментариев с «жестким» языком вражды, которые были отобраны с учетом их тематического разнообразия. Например, комментарии с призывом «гнать» какую-либо этническую группу повторялись неоднократно, поэтому в этом разделе отчета был включен лишь один комментарий

с таким посылом. По возможности другие два комментария представляли иную тематическую направленность.

Е. До трех комментариев со «средним» и «мягким» языком вражды при условии отсутствия более двух комментариев с «жестким» языком вражды.

Ф. Количество репостов.

Г. Количество реакций (включая лайки, дизлайки либо другие эмоджи).

Мониторинг языка вражды на новостных Instagram-страницах проводился также вручную. Из-за большого количества комментариев (в некоторых публикациях их было больше 3000) отбор комментариев с языком вражды и наибольшим количеством лайков проводился с помощью браузерного плагина Regex Search.

По запросу плагин выделял комментарии с наибольшим количеством лайков, которые, в свою очередь, анализировались на наличие языка вражды. После идентификации наиболее популярных комментариев анализировались все оставшиеся комментарии и заполнялись графы отчета в соответствии с пунктами D и E в списке показателей выше.

Также из-за большого количества комментариев такой показатель отчета, как «количество комментариев с языком вражды», для Instagram-групп не считался (пункт B). В совокупности отчет включал показатели A, C, D, E, G из списка выше.

Мониторинг языка вражды в онлайн-СМИ по своей методике отличался от публикаций на Facebook и в Instagram. А именно, используя запросы по ключевым словам и фильтруя их относительно нужного веб-сайта, была найдена группа веб-страниц, которая тематически соответствовала фокусу исследования. Команда медиамониторинга провела первичный анализ заголовков статей и их текста на наличие языка вражды. В отчет были включены ссылки на веб-страницы и выдержки из статей, которые содержали язык вражды любой тональности.

Список ключевых слов для мониторинга

Ключевые слова на казахском языке

Аққұлақ, араб пен қытайдың қосындысы, бәрі қазақша сөйлесін, бетпақ орыс, дінсіз, доңғандар, дунган, дунген, дүнген диаспорасы, дүнгендер, итжегендер, кәпір, келімсектер, кетіру керек, қазақша білу міндетті, қара бет, қарақытай, қордай, қордайдағы дүнгендер, құлдар, құлдық сана, қытай, қытай тектес, қытай тілділер, қытайлар кетсін, мамбет, нацист, оларды қуу керек, орыс онбаған, орыс тілділер, орысбай, орысқұл, орыстар, орыстар кетсін, тексіз, тілсіз, үңгір, үңгірдегілер, үңгірліктер, ұлтшыл, ұлтшылдар, фашист, ханзу, ханьзу.

Ключевые слова на русском языке

Аксакал, беспорядки, выгнать дунган, выгнать из Казахстана, джонгар, джунгар, домой в Россию, избить дунган, казахский язык, Казахстан для казахов, Каракемер, китайцы, Кордайский район, Куат Ахметов, Масанчи, нагыз, наказать дунган, националист, нацист, нацпатриот, расселить дунган, русские, русские обнаглели, сепаратизм, сепаратист, Сортобе, террорист, убить дунган, узбек, уйгур, ханьцы, христиане, шала, шала казах, языковой патруль.

Биографии авторов

Серик Бейсембаев

Директор исследовательского центра PaperLab. Социолог-исследователь с опытом работы более 15 лет. Работал в разных аналитических структурах, руководил исследовательским отделом, участвовал в разработке методологии и реализации более 100 исследовательских проектов. Специализируется на изучении вопросов общественного мнения, государственного управления, национализма и насильственного экстремизма в Казахстане.

Ксения Кряквина

Политолог. В 2019 году получила степень магистра по специальности «политология и международные отношения», Назарбаев Университет. С 2019 года по настоящее время работает на позиции старшего преподавателя по специальности «международные отношения», Университет им. Сулеймана Демиреля.

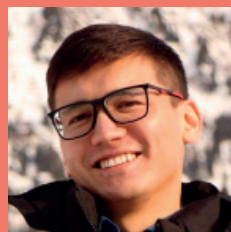

Дина Кучербаева

Старший преподаватель факультета гуманитарных наук и образования Университета КИМЭП, г. Алматы. В 2015 году получила степень магистра наук по специальности «прикладная лингвистика» в Эдинбургском университете, Великобритания; выпускница международной стипендии «Болашақ». В настоящий момент обучается в докторантуре Гонконгского университета образования в Департаменте лингвистики и современных языков.

Оразай Кыдырбаев

Независимый исследователь, медиакритик. Занимался преподавательской деятельностью на факультете социальных наук в Университете имени Сулеймана Демиреля. Магистр социальных наук по журналистике. Член Общественного комитета по саморегулированию медиа. Занимается исследованиями в области медиа и идеологии, политической экономики медиа, медиа и гендерных вопросов.

Дамеш Сатова

Магистр гуманитарных и социальных наук в области Евразийских исследований. Выпускница Школы естественных, социальных и гуманитарных наук Назарбаев Университета 2021 года. Является выпускником гранта от правительства США Fulbright FLTA.

С начала исследовательской деятельности интересуется методами этнографии в сборе количественных данных, в культуре этнографических писем, Women Writing Culture в особенности. Также интересуется антропологическим исследованием неформальной экономики, домашних хозяйств, семей и родственных связей в малых городах Центральной Азии.

Жулдыз Смагулова, PhD, к. ф. н.

Доцент и декан факультета образования и гуманитарных наук Университета КИМЭП. В сферу ее исследовательских интересов входят вопросы языковой идеологии, обучения языкам и языковой политики, объединенные научным интересом к проблемам неравного доступа к языковым ресурсам в условиях многоязычия.

Является соавтором сборника *Language Change in Central Asia* (Mouton de Gruyter, 2016), соавтором русско-казахского *Словаря социолингвистических терминов* (2020). Среди ее публикаций статьи в журналах *Journal of Sociolinguistics*, *International Journal of Bilingualism*, *International Journal of the Sociology of Languages*, *World Englishes*.

Подписано в печать 26.11.2021. Формат 60x84 1/16.
Бумага мелованная. Гарнитура PT Sans.
Печать цифровая.
Усл. печ. л. 12. Тираж 100 экз.
Заказ № 528.11.2021

Отпечатано с готовых файлов заказчика

ТОО «Universal Print Media», 050026,
г. Алматы, ул. Тулебаева, 117
Тел.: +7 (727) 222 22 02
www.uniprint.kz

ISBN 978-601-06-8168-2

9 786010 681682